Р.Н.НАБИЕВ

Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки

Р. Н. НАБИЕВ

ТАШКЕНТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1847 г. И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ · 1966

В данной работе впервые дается четкая характеристика социального строя города Ташкента первой половины XIX в., положение народных масс и причины, приведшие к восстанию 1847 года, раскрываются предпосылки, ход и сущность восстания.

Брошюра предназначена как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
М. В. ВАХАБОВ

Набиев Р. Н.
Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки.
Отв. ред. д-р. ист. наук М. В. Вахабов
У. Т., «Наука», 1966.
80 стр. Тираж 1000 экз.

9(С)16+9(С52)
Н 13

1-6-4

ОТ РЕДАКТОРА

Работа Р. Н. Набиева «Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки» посвящена наиболее важным вопросам слабо изученного периода истории Узбекистана — первой половине XIX в. В работе рассказывается о народном движении 1847 г. в Ташкенте — части разрабатываемой за последние годы автором «Истории Кокандского ханства».

Данный период в истории узбекского народа представляет собой поздний этап феодализма, просуществовавший здесь несколько столетий дольше, чем в западноевропейских странах. Известно, что на позднем этапе развития всех классовых обществ неизбежно происходят определенные изменения социально-экономического характера, представляющие собой разложение старых отношений и зарождение элементов будущего общества. Исследования этого закономерного явления и его специфических особенностей в условиях определенно конкретных стран представляют большой научный и познавательный интерес.

Ценность настоящего исследования заключается прежде всего в том, что, на наш взгляд, автору удалось выявить некоторые особенности социально-экономического развития и политического строя позднего этапа феодализма в относительно развитых районах Средней Азии.

Освещая вопрос о месте Ташкента — одного из наиболее крупных и важных в экономическом отношении городов Кокандского ханства,— автор приходит к правильному выводу. С одной стороны, подчинение Ташкента Кокандскому ханству, налоговый гнет и огромный масштаб принудительных работ нанесли тяжелый удар городу, разорили его население. Это явилось одной из причин недовольства народных масс. С другой стороны, вхождение города, расположенного

на стыке земледельческих районов, казахско-киргизской степи и на пути все более развивающейся торговли России со Средней Азией и через нее с сопредельными странами Востока, в состав Кокандского ханства при весьма отсталом государственном строе играло важную роль и для самого Ташкента.

В разделе о социальном составе населения города автор впервые характеризует отдельных представителей его купечества, среди которого видное место занимали ходжи и сеиды. Весьма характерны размеры их торговых сделок, роль и значение в развитии русско-среднеазиатской торговли, появление усиленного интереса к капиталу, зарождение новых общественных взглядов и т. д. Все это, несомненно, говорит о том, что еще за несколько десятилетий до присоединения Ташкента к России в недрах господствовавшего феодализма зарождались новые отношения, новая прослойка общества, ориентировавшаяся на буржуазную Россию и недовольная отсталым социально-экономическим и политическим строем ханства.

В работе впервые поднят и, на наш взгляд, вполне решен вопрос о плебейской части населения города, элементы которой в рассматриваемое время в Средней Азии носили название «девона» (юродивый»). На многочисленных примерах автор убедительно доказал, что эта прослойка была лишена не только средств производства, но и самой возможности работать. В эпоху разложения феодализма в связи с кризисом аграрных отношений она, как известно, увеличивалась и естественно выступала против него.

Характеристика глубоко расслоенного в классовом отношении населения города способствует четкой оценке целого этапа развития феодализма в крае и генезиса буржуазных отношений. В исторической литературе впервые так основательно изучается Ташкентское восстание 1847 г., его причины, ход, масштаб и социальный состав участников.

Работа Р. Н. Набиева имеет большое историческое значение: во-первых, все положения и выводы автора сделаны при глубоком понимании всеобщего исторического процесса и основаны на теоретических указаниях классиков марксизма-ленинизма. Во-вторых, работа базируется исключительно на данных источников, в том числе на таджикском, узбекском и русском языках. Использованы рукописные материалы и архивные данные и сведения русских наблюдателей. Основные же факты впервые вводятся в научный обиход. Особую ценность представляют сведения автора «Тарихи джаханнами» Джунаид Муллы Аваз-Мухаммеда, который во время Ташкентского восстания находился в самом районе выступления и наблюдал за его ходом. Кстати, с содержанием этого руко-

писного сочинения Р. Н. Набиев познакомил научную общественность еще 20 лет тому назад.

Следует отметить, что, не все поставленные в этом труде вопросы решены одинаково. Поэтому, мы уверены, что автор продолжит работу над этими вопросами в плане исследования истории Кокандского ханства, успешное завершение которого — дело ближайшего будущего.

Доктор исторических наук,
профессор *М. Вахабов.*

ТАШКЕНТ ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ КОКАНДСКИХ ХАНОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В социально-экономической и политической жизни Средней Азии на протяжении многовекового исторического периода большую роль играл Ташкент. Окруженный плодородными земледельческими и земледельческо-кочевыми районами, что само по себе имело немаловажное значение в его экономике, Ташкент вместе с тем находился на стыке крупного среднеазиатского земледельческого района и казахско-киргизской кочевой степи. Это оказало непосредственное влияние на весь ход дореволюционного прошлого города. Он не раз страдал от разорительных нападений соседних кочевых племен, стремившихся подчинить своему влиянию земледельческие районы. Эти набеги были следствием экономического и политического характера, а иногда совершались просто в интересах родоплеменной феодальной знати. Однако мирные взаимоотношения между земледельческим населением Средней Азии и кочевниками-скотоводами выражались в первую очередь в осуществлении экономического обмена — продуктами земледелия и городского ремесленного производства на продукцию скотоводства — и имели решающее значение для развития не только земледельческих районов и городов, но и для районов со скотоводческой отраслью хозяйства.

На протяжении своей более трехвековой истории до присоединения к России Ташкент дважды выступал как важный политический центр. В XVI в. он был столицей государства Барак-хана (Науруз-Ахмеда) и его сыновей, просуществовавшего почти полвека. В период своего могущества это государство объединило, кроме территории теперешних Ташкентской и Сырдарьинской областей и Ферганской долины, значительную часть долины Зеравшана во главе с Самаркандом.

В конце XVIII в. он вновь становится столицей государства Юнус Ходжи и его наследников, просуществовавшем около четверти века, правда, на значительно меньшей территории, чем государство Барак-хана. Это были узбекские фе-

одальные государства с ведением государственной переписки почти исключительно на узбекском языке.

В начале XIX в. Ташкентское государство было ликвидировано, в Ташкенте вместе со своим округом присоединен к Кокандскому ханству. При всех отрицательных последствиях разыгравшихся здесь политических событий, междоусобиц и интриг и т. д., это сыграло немалую роль в социально-экономической и политической жизни страны в целом.

В Ферганских источниках первой половины XIX в.[1] при довольно подробном описании внутриферганских политических событий об отношении Ферганы и Ташкента в XVIII в. почти ничего не говорится, за исключением некоторых данных, относящихся только к концу XVIII в.

Однако из этого нельзя сделать вывод, как это правильно отметил П. П. Иванов[2], что между ферганскими и ташкентскими правителями на протяжении почти целого столетия вообще не было столкновений. Косвенным доказательством этому можно считать единственное свидетельство Мухаммада Салиха в том, что казахский хан Аблай (1771—1781), под властью которого находился Ташкент, читал хутбу и чеканил монеты то от имени бухарского хана[3], то, враждуя с ним, от имени кокандских ханов[4].

Расширение территории Кокандского государства за счет северо-западных соседних районов, происшедшее в начале XIX в., П. П. Иванов связывает с каким-то «завершавшимся уже процессом формирования внутреннего рынка»[5]. Это положение, конечно, вызывает возражение. Во-первых, даже в условиях первой половины XIX в. не могло быть и речи о завершении процесса формирования внутреннего рынка. Во-вторых, попытки объединить Фергану с Ташкентской областью, включая южные районы нынешнего Казахстана, имели место в феодальный период. Так было, в частности, при Тимуридах, моголистанских ханах, ташкентском правителе Барак-хане и его наследниках. В-третьих, включение этих районов в XIX в. в состав ханства было основано, также как и более ранние попытки этого рода, на феодальном

---

[1] Нарративные источники, т. е. рукописные сочинения по истории Кокандского ханства XVIII в. не сохранились.

[2] П. П. Иванов. Казахи и Кокандское ханство, к истории их взаимоотношений в начале XIX в. в Зап. ИВ АН, вып. VII. М.—Л., 1939, стр. 97.

[3] Мухаммад Салих ошибался, когда упоминал здесь бухарского хана Абул-Файзе.

[4] Мухаммад Салих кори тошканди, Тарихи джадидаи Тошканд, рук. ИВ АН УзССР, № 5732; кн. 2, стр. 51.

[5] П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 98.

принципе, т. е. на отношениях такого характера, который исключал возможность формирования общего рынка.

Конечно, более правильно другое объяснение Н. П. Иванова, что внутренние классовые противоречия между крупными феодальными землевладельцами, с одной стороны, и зависимым ферганским крестьянством — с другой приводили к столкновениям феодальной знати разных группировок. А это в свою очередь толкало их на внешний грабеж, свидетельством чему является последняя история Кокандского ханства.

Кураминский район, по сведениям Поспелова, издавна являлся причиной различного рода «несогласий» между Ташкентом и Ферганой[6]. Однако вряд ли это одно могло быть причиной войны между Кокандом и Ташкентом. Курама со своим пестрым населением и незначительными доходами, отделенная от Ферганы труднопроходимым высокогорным перевалом, играла в этой вражде определенную роль, но на фоне выдающегося значения Ташкента вопрос о владении Курамой мог служить только поводом к раздорам, а не основной причиной. Кокандских ханов больше привлекал Ташкент.

Развитие среднеазиатской и сибирской торговли, начиная с XVI в., торговые отношения Средней Азии с Россией через Сибирь, постройка и быстрое развитие Оренбурга, через который осуществлялись основные торговые и политические связи среднеазиатских ханств с Россией еще более повысили значение Ташкента. Уже в конце XVIII в. Ташкент стал одним из крупнейших торгово-промышленных центров Средней Азии и важным транзитным пунктом в торговых отношениях России со Средней Азией и Восточным Туркестаном. Поэтому присоединение Ташкента к Кокандскому ханству вызывалось не только стремлением Кокандского ханства к расширению территории ханства и усилением ханского дохода за счет налоговых поступлений с захваченной территории (объективным результатом чего было объединение под одной властью узбекского населения этой области), но и необходимостью установления и развития столь важных для Кокандского государства экономических связей со степным населением обширной казахской территории и Россией.

Ферганская долина, окруженная с трех сторон горами, не имела другого выхода на север и северо-запад, необходимого для развития перспективных экономических связей. Еще в XVIII в. имело место серьезное вмешательство в ташкентские политические события некоторых правящих кругов Ферганы.

---

[6] П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 108.

а позднее (в конце XVIII в.) — наиболее мощной феодальной знати из ходжей, несомненно игравших крупную роль в экономической жизни ханства. Нам неизвестно, был ли подчинен Ташкент Аблаем (род. в 1711 г.) в период правления в Бухаре Абулфайза (1711—1747). В то время юный Аблай еще не стал ханом Среднего Жуза (признан был только в 1771 г.— *Р. Н.),* однако уже с начала 30-х годов он играл видную роль в военно-политической жизни Казахстана. Известно, что завоевательная деятельность Аблая на юг осуществлялась в 60—70-годах XVIII в.[7] Ташкент был завоеван. им, видимо, в начале 70-х годов. Поэтому можно думать, что Мухаммад Салих, сообщивший, что еще в те времена казахский хан Аблай овладел Ташкентом якобы с помощью его населения, путает эти события. Очевидно, он имеет в виду перекочевку казахов за Сыр-Дарью после разгрома калмыцким (джунгарским) ханом Цеван Работаном в 1723 г. и приглашение их в Мавераннахр самаркандским правителем Раджаб ханом против Бухары в правление Абулфайза.

Первые точные сведения о нападении кокандских ханов на территорию Ташкентского владения относятся ко времени правления Норбуты (1764—1799). Еще в начале своего правления, после подавления Исфаринского мятежа Алим хан послал против Ташкента войско под начальством правителя Намангана, а после Ходжента — Хан ходжи. Очевидно, войско было послано с рекогносцировочной целью и Алим хан при этом надеялся на мирный исход событий. Однако Хан ходжа, оказавший в свое время помощь ташкентскому правителю Юнус ходже в его борьбе за овладение Ташкентом, собрал теперь в Ходженте войско и в 1799 г. пошел на Ташкент через Кураму и долину Ахангарана. И ночью он оказался на берегу р. Чирчик, между Юнус ходжей и Хан ходжей. В Карасу произошло сражение, которое окончилось поражением кокандских войск и пленением значительного числа кокандцев. В числе пленных был и Хан ходжа, казненный в Ташкенте вместе с 70-ю другими пленными кокандцами[8].

Воодушевленный этой победой, Юнус ходжа, рассчитывая на городскую знать и особенно на военно-племенную аристократию, предпринял через некоторое время поход против Кокандского ханства с войском, состоявшим главным

---

[7] История Казахской ССР, 1943, стр. 167.

[8] Казнь Хан ходжи была совершена через три дня, тайно, в конюшне. По-видимому, Юнус ходжа не решился на открытую казнь Хан ходжи, который в свое время помог ему в получении власти. Он опасался также осложнения политической обстановки в самом Ташкенте.

образом из казахов племени санычкли. Этот поход был, по-видимому, осуществлен не позднее 1800 г.[9], ибо кроме местных источников, не указывающих дату события, о нем имеется и сообщение Поспелова. По данным одного из местных авторов, Юнус-ходжа пошел на Фергану по просьбе Бузрук-ходжи, поднявшего восстание против Алим хана в Чусте. Юнус ходжа дошел до селения Ашт на правом берегу Сыр-Дарьи. Столкновение между войсками произошло между Аштом и Гурум-сараем. Победил Алим хан. Преследуемый войсками Алим хана, Юнус ходжа с незначительным числом своих людей (5—6 человек) добрался до Ташкента.

У Мухаммада Салиха мы имеем другую версию. По его словам Юнус ходжа, пришедший к власти в Ташкенте после падения казахского хана Аблая, совершил поход на Фергану против Алим хана с 80 000 (должно быть 8 000 — *Р. Н.*) войском, состоявшем из казахских ополченцев и других слоев населения[10]. Этот поход состоялся, видимо, против воли ташкентского духовенства и основной части населения города. Алим хан послал два отряда: первый — во главе с военачальником Раджабом Кушбеги в тыл врага, другой — во главе с правителем Гурум-сарая, сыном Хан ходжи и племянником Норбуты по правому берегу Сыр-Дарьи. Сражение произошло на правом берегу реки в местности Пунбе (Пункан), расположенной между Ходжентом и Кокандом, в 7 фарсахах от последнего. Кокандские войска одержали победу. Преследуя Юнус ходжу, они перешли через перевал Нендир в Кураму и захватили укрепленную крепость Керовчи, находившуюся во владении Юнуса-ходжи[11]. Так Курама вошла в состав Кокандского ханства.

О сражении между кокандскими и ташкентскими войсками в этой местности говорится и в некоторых других местных источниках. По данным Поспелова, Юнус-ходжа, выступив против кокандцев, заключил с правителем Ходжента союз против Алим хана. Внутренняя и внешняя обстановка в кокандском ханстве благоприятствовали Юнус-ходже, и он легко мог добиться союза с центробежными силами Ферганы. Однако Юнус-ходжа потерпел серьезное поражение. После

---

[9] Поспелов, описывая это событие, указывает дату первого выступления кокандских войск в Ташкент (см. ВРГО, 1861, ч. I, кн. 1. отд. VI; стр. 23); Стэли Лэн-пуль дату 1800 г. (см. Мусульманские династии, перевод В. В. Бартольда, СПб, 1898, стр. 237).

[10] جمعی از افراد او باش قزاقیه و از هر صنف مردم
Мухаммад Салих, Указ. рук., стр. 48.

[11] Мухаммад Салих. Указ. рук., стр. 48—51.

этого, видимо, и состоялись походы кокандского войска на Ташкентские владения.

Через несколько лет, после осуществления ряда походов на Ура-Тюбе (в 1220/1805—1806 гг.)[12], Алим хан отправил для овладения Ташкентом своего брата Умара. Нияз Мухаммед писал, что Алим-хан сам выступил в поход с 12-ти тысячным войском, дошел до Курамы и пожаловал ее кураминским старшинам и биям. Сломив сопротивление крепости Кироучи, являющейся по его словам воротами Дешти Кипчака, он послал войска в Ташкент (возможно к этому времени Курама вышла из-под власти Коканда). Заняв окрестности Ташкента, кокандские войска совершали набеги на окрестные селения, сопровождая их, как всегда при феодальных войнах, истреблением и взятием в плен ни в чем неповинного населения. Войска правителя Ташкента Султан-ходжи (старший сын умершего к этому времени Юнуса ходжи)[13], были значительно слабее (в источниках теперь не встречалось упоминаний об активной роли казахских ополченцев). Поэтому он послал своих послов к Умару, заявив о признании им верховной власти Алим хана. Такой исход был очень выгоден для Кокандского ханства. Однако правитель Ташкента очень скоро изменил свое решение и вновь выступил против кокандских войск. Жестокая битва в окрестностях Ташкента была проиграна ташкентцами — Султан ходжа попал в плен. И ташкентское население, выдвинув на должность правителя Хамид ходжу (второго сына Юнуса ходжи), решило защищать город.

Ташкент был окружен глинобитной стеной высотой 26 футов, толщиной внизу — 6, вверху — 3[14]. Взять его — дело нелегкое. Тогда Умар хан, после ряда неудачных штурмов Ташкента, принял важный тактический план: он овладел штурмом важнейшей, весьма укрепленной крепостью Ниязбек, прикрывающей подступы к Ташкенту со стороны Востока[15] и защищающей головные сооружения городской оросительной системы. Это предрешило исход войны, Хамид ходжа был вынужден сдать Ташкент с прилегающими к нему районами до Чимкента.

---

[12] Эта дата упоминается автором „тарихи джаханнамои" в связи с женитьбой Умар хана, которая имела место сразу по возвращении из Ташкента. Поэтому предположение П. П. Иванова о дате этого похода Умара—1801 г., сомнительно (Казахи Кокандского ханства, стр. 124).

[13] Юнус ходжа умер в 1219 (1804—1805) г. после 11-летнего правления.

[14] Фут равен 30 см.

[15] Эта крепость находилась в голове Ташкентского канала и являлась ключом к Ташкентской области. Она была укреплена.

Умар оставил Хамид-ходжу правителем Ташкента в качестве наместника кокандского хана и возвратился в столицу. Между Умаром и Хамид-ходжей был заключен договор, по которому последний признал верховную власть Алим хана и в случае войны должен был оказывать ему помощь войсками и средствами. Граница Ташкентских владений определялась по р. Чирчик. В крепости Ниязбек во главе с Муминбеком был оставлен кокандский гарнизон в 1000 чел. В честь этой победы Алим хан передал управление областью Умару[16].

По сообщению автора «Тарихи джаханнамои», оставленной в крепости Ниязбек, кокандский гарнизон в течение нескольких лет лишил Ташкент воды и намеренно создавал тяжелейшие условия для населения города и почти в течение 7 лет[17] горожане, сидя на сухом пайке — в день по одной лепешке, продавали своих сыновей и дочерей за горсть проса. Население города и степи умирало со словом «хлеб»[18]. Но Ташкент недолго находился под властью Алим хана, которому в 1808 г. пришлось выступить в поход с войском, собранным со всех областей Ферганы. После ожесточенного штурма город сдался победителю, Хамид ходжа бежал в Бухару, а население Ташкента было отдано на однодневное разграбление войскам. На этот раз правителем Ташкента был назначен Саид Алимбек из Ферганы, получивший титул лашкар-диванбеги. При нем было оставлено несколько кокандских эмиров[19]. Таким образом, в 1808 г. было полностью завершено окончательное подчинение Ташкента Кокандскому ханству[20].

Жестокость кокандских чиновников и сборщиков налогов достигла предела и казахи степных районов Ташкента подняли восстание. Они перестали вносить налоги в казну (зякет со скота и харадж с посевов)[21]. Южно-казахская степь, охваченная внутренними раздорами, стала непроходимой для купцов, путешественников; торговые караваны и

---

[16] Эта область или округ называется в источниках Маргиланской или Ферганской, а в отдельных случаях носит название Яр-мазар, где жили правители этой области.

[17] Семилетний период прекращения подачи воды в город не совсем точен. Видимо, автор имеет в виду весь период военных действий за Ташкент, т. е. с 1800 до 1808 г.

[18] Джунайд-мулла Авазмухаммед ибн Мулларуэи Мухамед суфи. «Тарихи джаханнамои», рук. ИВ АН УзССР, № 9455, л. 47а.

[19] Родственники и приближенные Хамид-ходжи были переселены в Коканд и им назначены пенсии и казны.

[20] Мухаммад Салих, Указ. рук. на I, стр. 77.

[21] П. П. Иванов. Указ. рук. статья, стр. 119.

путники подвергались ограблению. Совершались нападения на окрестные районы Ташкента, находившиеся под властью Кокандского ханства. Это вынудило Алим хана в начале 1809 г., несмотря на трудные зимние условия, вновь пойти на Ташкент. Предпринимая поход, он преследовал и другую цель — углубиться в казахские степи. В некоторых источниках говорится, что это было главной целью Алим хана[22]. что и подтверждается выбором им зимнего времени для похода. В этот сезон кочевники действительно становятся на зимовки и более доступны и уязвимы[23].

Войско, которое Алим хан отправил против казахских улусов под командованием своих эмиров — Ирискули бия и Джумабай Кайтака — после ночного перехода, утром внезапно напало на казахские аулы и подвергло их жесточайшему ограблению и истреблению. Об этом событии упоминается в сообщении Хаким хана Тюры, находившегося в этом походе в семилетнем возрасте вместе со своими родителями. По его словам, многие из казахов были взяты в плен. Грабили все. У кочевников не осталось даже тряпки, чтобы прикрыть наготу. И только часть казахов, узнав о приближении кокандских войск, успела откочевать вглубь степи и тем избежать этой участи. Захваченная добыча была разделена между воинами Алим хана. Преследование казахов продолжалось до Сайрама. Сайрам был осажден, но потом, по рапоряжению Алим хана, осада города была снята[24].

Мухаммад Салих выдвинул иную версию политических событий и захвата южных районов Казахстана при Алим хане. Согласно его данным, Салимсак Тюра сын Ханбаба Тюры был виднейшим представителем ташкентской знати, являясь якобы, одним из потомков казахского хана Аблая. По словам автора, он принадлежал к группе Тюра. (حجاغهٔ تورهها)

Салимсак Тюра был дядей Мухаммад Салиха со стороны матери и играл видную роль в политической жизни Ташкента. Он завоевал Чимкент с его областью и в 1223—1224 (1808—1810) гг., в течение 12 месяцев покорил Туркестан, находившийся тогда во владении потомков Аблая[25]. Мухам-

---

[22] Целью отправки войска против казахских улусов, согласно автора „Тариҳи джахан намои" было подчинение племени казахов и получение от них налогов (см. каз. рук. Л. 54 б).

بتاختن اولوس جماعهٔ قزاق از برای باج کری و نصیحت کردن ایل امرفرمود

[23] П. П. Иванов, Указ. статья, стр 126.

[24] Джунаид-мулла Аваз-мухаммад. Указ. рук., л. 56.

[25] Мухаммад Салих, Указ. рук. кн. 1., стр. 82—90.

мад Салих называет Салимсака Тюру «покорителем Дешти-Кипчака» (کشور کشای دشت قپچاق). Согласно сведениям Мухаммада Салиха, Салимсак Тюра играл особую роль и в дальнейших политических событиях, уже при Алим хане, что, однако, не подтверждается другими местными источниками. Видимо, Мухаммад Салих пытается преувеличить роль своего предка в общественно-политической жизни страны.

Разорительные походы на Ташкентскую область и Южно-Казахстанскую степь (Дешти-Кипчак) продолжались и в период наибольшего усиления Кокандского ханства — в период правления Умар хана в 1225—1237 (1810—1822) гг. и его сына Мухаммеда Али в 1237—1252 (1822—1842) гг.

В 1230—1231 (1815—1816) гг. при Умар хане произошли крупные события в этом районе. Туркестан в то время находился, согласно некоторым кокандским источникам, под властью Бухарского ханства. По сведениям «Тарихи джаханнамои», которые мы считаем более правильными, Туркестан находился в это время под властью казахов, которыми правил казах Тукай Тюра, поддерживаемый Бухарой. У эмиров Бухары отдельные казахские правители искали помощи против наступления кокандских войск. Умар хан в 1230 (1814—1815) г. отправил из Ташкента отряд для захвата Туркестана, а сам с основными силами двинулся вслед за этим отрядом. Пройдя пешком расстояние в два фарсаха, войско бесшумно вошло в город. Через два дня хан торжественно вступил в уже захваченный и разоренный кокандскими войсками Туркестан. Его правителем был назначен один из крупнейших шейхов — Шейх Бадал Мирза[26]. Очевидно, это было сделано в знак глубокого уважения и находившемуся там Мазару Ходжи Ахмеда Исави, почитаемому во всей Средней Азии и Казахстане. Умар хан совершил паломничество к мазару и приказал сварить 70 баранов в знаменитом котле[27].

Захватом Туркестана не завершилось подчинение Южного Казахстана. Казахские племена оказывали значительное сопротивление в низовьях Сыр-Дарьи. Об одном событии, происходившем в том же 1230 г. упоминает автор «Тарихи джаханнамои». Правитель Туркестана Тукай Тюра, после захвата города кокандскими войсками бежал в степь, собрал

[26] По сообщению Муллы Нияз Мухаммеда, Шейх Бадал — выходец из Коканда.

[27] О времени захвата Кокандским ханством Туркестана Мухаммед Салих и ферганские источники сообщают по-разному, вполне возможно, что захваченный при Алим хане Туркестан скоро вышел из-под власти кокандских ханов и в 1230 (1814—1915) г. вновь был покорен Умар ханом. Тем более о последних событиях пишет и сам Мухаммад Салих.

отряд из казахов и овладел крепостью Сузак. Кокандский отряд, посланный ташкентским правителем против Сузака, напал на расположенные недалеко от крепости Сузак, в местности Каза (كزا) казахские аулы, насчитывающие тысячу семейств на расстоянии одного перехода от Кара-тау. Аулы были разграблены. Это заставило Тукая Тюру сдать крепость Сузак без боя и скрыться в пределах Бухарского ханства, где он через некоторое время был убит бухарским эмиром Насруллой. Но кокандские войска не могли добиться успокоения обширной степной территории, покоренной их ханами. Вскоре после этого недовольные казахские племена, собравшись, избрали своим предводителем одного из казахских султанов — Тентек Тюру и «подняв бунт, возвысили знамя смуты»[28]. Это восстание было значительнее и по своим размерам и по количеству участников. По сведениям источников, в нем участвовало несколько казахских групп общим числом 12 тыс. чел. Повстанцы собрались в районе Туркестана, двинулись на Сайрам и заняли его. К ним присоединились чимкентские казахи. Таким образом, оба города перешли в руки восставших. Однако посланное Умар ханом 12-ти тысячное войско, во главе с визиром Абул Касымом аталыком и другими эмирами, осадило эти укрепленные города[29]. Продолжительная осада заставила осажденных заключить мир.

Один из поздних кокандских авторов писал, что некоторые казахские племена, после подчинения южного Казахстана кокандскому ханству перекочевали в глубь Чаткальских гор, где в летнее время пасли скот жители Ферганы и районов Туркестана. По требованию крупных животноводов Ферганы Умар хан направил против перекочевавших казахов войско.

По сведениям Хаким хана Тюры, весь Дешти-Кипчак, под которым среднеазиатские авторы того периода понимали Южно-казахстанскую степь, от Кузтака до берегов Аральского моря, которое он не отличал от Хазарского (Каспийского), был подчинен Кокандскому ханству. Однако в северных степных районах власть кокандских ханов было непрочной: там не раз происходили крупные восстания.

Кокандские авторы, говоря о восстаниях кочевников, старались обвинить их в разорении и ограблении караванов и

---

[28] تینەك توره كه ازنسلی توختامیش خان‌بود اورا پیشروخودها گرداینده گردن عناد افرا شته علم فسا د بردا شتند

(Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук., л. 115а).

[29] Согласно этого источника, крепость Сайрам была высокая. Ее насыпь равнялась 300 гязам, стены старые, но высокие и широкие, крепость Чимкент считалась сильнее, чем Сайрам.

имущества населения, видя главную причину выступлений в стремлении к грабежам. На самом деле восстания были вызваны, прежде всего, тяжелым положением кочевого населения, попавшего под гнет кокандских ханов. Об одном значительном восстании, еще в правление Умар хана, упоминает автор «Тарихи джаханнамои». Согласно этому сообщению, некоторые казахские племена под предводительством некоего Кабула, подняли восстание в местности Богистан, находившейся в горах. После ожесточенных сражений с кокандскими войсками, посланными из Ташкента Умар ханом, восставшие были осаждены в крепости Богистан и после продолжительной осады были вынуждены сдаться. Руководитель восстания Кабул, был привезен в Ташкент и казнен на площади Чор-су[30].

Так при Умар хане продолжались захватнические действия кокандского ханства в Казахстане, начатые еще при его брате Алим хане и продолженные при правлении последующих кокандских ханов. Они всячески стремились подчинить себе важную в экономическом отношении казахскую степь, откуда кокандская правящая верхушка взимала немалую часть своего дохода. Все это осуществлялось через Ташкент и основная тяжесть войн в казахской степи ложилась на плечи населения города. Поэтому кокандские ханы всячески старались держать Ташкент с его областью и непосредственно подчиненную ему Южно-Казахстанскую степь под своей властью.

Торжественное прибытие Умар хана в Ташкент имело целью упрочить положение кокандского хана в самом городе — в этой важнейшей, в экономическом отношении, провинции. Несмотря на то, что в источниках не упоминается о каких-либо открытых выступлениях против Кокандского ханства в правление Умар хана, косвенные данные говорят о недовольстве среди некоторых слоев населения города. Повидимому, именно стремление подавить это недовольство жителей Ташкента и вызвало двукратное прибытие хана с войском и со всем двором. В 1234 (1819 г.) Умар хан во второй раз посетил Ташкент, якобы, с целью проведения в нем пиршества в связи с обрезанием младшего сына — Абдуллы, а после с назначением его правителем области. Умар хан придал своему въезду весьма торжественный характер. Пышно принял Умар хана ташкентский правитель. Умар хан вступил в город по расстеленной от города до р. Чирчик дорожке из дорогих материй, в окружении своего двора, со всеми видными военачальниками, представителями крупной ферганской светской и духовной знати, вместе с их женами, с многочисленными

[30] Джунайд-мулла Аваз-мухаммед. Указ. рук., л. 67а—69б.

придворными поэтами (40 чел.) и острословами, с полным своим гаремом. Это царское торжество сопровождалось показом образцов художественного ремесла[31].

Торжественный прием продолжался семь дней. Эмиры, чиновники, представители духовенства и другие лица окружали трон со всех сторон. Правители областей преподносили хану подарки — дорогие материи, жемчуг, рубины и другие драгоценные камни и металлы, шубы из чернобурых лисиц, горностая, соболей и белки, несомненно, получаемых из России, кашмирские шали, «кужратскую» парчу, узорные шелковые ткани из Рума, бархат западного происхождения, драгоценные китайские занавеси, охотничьих птиц, верблюдов, породистых лошадей, сильных рабов, красивых рабынь. Подарки хану, по обычаю, преподносились девятками (токкуз) следующих семи дней. Хан щедро раздавал подарки своим приближенным. В конце приема он приказал им взять все находившееся при нем и на нем вещи. Ханский пояс с печатью достался племяннику хана — Хаким хану Тюра — автору «Мунтахаб-ат-товарих», и за возвращенную печать он получил дорогостоящие халаты, собственную лошадь хана, благоустроенное селение и около 300 тиллей. Принадлежащий хану гулям, носивший звание Лашкар-кушбеги, попавший при разборе имущества в руки одного из приближенных хана, впоследствии сам себя выкупил за 1000 тиллей.

Проведение торжества не в столице ханства, а в Ташкенте, имело политическую подоплеку — кокандский хан стремился показать свою мощь (возможно, несколько преувеличенную хрониками) враждебно настроенным слоям ташкентского населения и населению обширной казахской степи.

По мнению одного из кокандских авторов, при Умар хане «были приобретены неизмеримые богатства, драгоценности, которые раздавались всем воинам и нукерам, а оставшейся (частью) заполнялась и обогащалась казна»[32] (размер богатства, в местных источниках несколько преувеличивается). Разумеется все богатства были получены в результате беспощадного ограбления народных масс ханства, в том числе и населения Ташкента.

Однако положение Кокандского ханства и его правителей не было прочным. С конца правления Мухаммед Али хана оно стало ухудшаться, усилились внутренние неурядицы, ханство явно слабело в экономическом, политическом и воен-

---

[31] Мухаммед Хакимхан Тюра. Мунтахаб-ат-таворих, стр. 240.
[32] Джунайд-Мулла Аваз-мухаммад, Указ. рук., л., 121б.

ном отношениях. По нему прокатилась волна народных восстаний[33].

В 1842 г. вследствие нападения на Коканд бухарского эмира Насруллы и установления двухмесячного его господства, сопровождавшегося жесточайшим разорением народных масс этой территории и без того измученных всеми тяготами феодального гнета во время правления кокандских ханов, положение еще более осложнилось. Ставленник Насруллы Ибрахим Хаял, назначенный правителем Коканда, конфисковал имущество у населения, усилил налоговый гнет и тем самым вызвал недовольство населения городов и сел.

Вместе с остальной территорией Кокандского ханства, под власть бухарского эмира попал и Ташкент. Он был отдан в управление Мухаммед-шарифу-аталыку — одному из бывших эмиров Мухаммад-али хана, перешедшему на службу к эмиру Бухары. Естественно, что Мухаммед-шариф старался сохранить в Ташкенте верховную власть Бухарского эмира, опирался главным образом на казахских ополченцев из племени санычкли. Однако после двухмесячного господства бухарского эмира в Коканде власть кокандских ханов была восстановлена. Шерали хану в 1258 (1842—1843 г.) снова удалось подчинить Ташкент Коканду. Но восстановлением почти по всей территории Кокандского ханства единой власти и казнью бывших мятежных эмиров и претендентов на кокандский престол еще не был положен конец внутренним политическим событиям. В Кокандском ханстве начинался глубокий упадок, выражающийся в усилении противоречий социально-экономического и политического характера. Основная причина упадка заключалась в обострении аграрных противоречий. Он был крайне осложнен ударом, нанесенным Насруллой. Кокандское ханство так и не смогло оправиться от этого удара до конца своего существования.

Еще в правление Мадали произошли значительные изменения в составе господствующего класса. Одной группе крупных и влиятельных представителей землевладельцев-феодалов, как светских, так и духовных, в процессе борьбы феодальных группировок и особенно в период наибольшего усиления социальных противоречий в конце 30-х и начале 40-х годов был нанесен сокрушительный удар. П. П. Иванов писал, что «бухарское нашествие и связанные с ним события нанесли окончательный удар остаткам той старой феодальной знати, которая составляла ядро господствующего класса при Омар хане и продолжала еще сохранять то, или иное

[33] Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 7, ст. «Народные восстания в Коканде в 1840—1843 годах».

влияние (еще значительное — *Р. Н.*) при его приемке»[34]. В результате острейшей борьбы с узбекской и киргизской знатью к власти пришла племенная знать из кипчаков. Шла борьба за захват политической власти, за господство в экономической жизни государства, за получение главных должностей, как в центральном правительстве, так и в областях. Автор «Миротул-фтух» описал эту борьбу в своем труде, дав ему следующее название «Изложение события захвата власти и господства племени кипчаков над городским сословием и киргизскими племенами»[35]. Эта борьба, трагическая по своему характеру, продолжалась в течение ряда лет и нанесла серьезный ущерб политической и экономической жизни ханства, ухудшила материальное положение его населения. Победу одержала кипчакская группировка феодалов и это привело к власти одного из жесточайших среднеазиатских правителей эпохи феодализма знатного кипчака — Мусульманкула. На высшие должности, на должности правителей областей, назначались его сторонники из числа кипчакской феодальной знати[36]. Ханская власть пришла в глубочайший упадок. «Несчастный хан,— писал Мулла Мирза Алим,— был владетелем только одного блюда плова»[37].

С победой партии Мусульманкула возросла роль кочевой и полукочевой феодальной знати. Вновь разгорелась борьба за Ташкент. Старший сын Шер Али, с помощью бухарского эмира бежавший в Бухару, разгромил обосновавшихся в Ташкенте кипчаков и овладел областью. В этом ему помогла недовольная возвышением кипчаков часть ташкентской знати[38].

Мусульманкул выступил против сына Шерали с войском. Первая его попытка овладеть Ташкентом не увенчалась успехом и после многодневной безуспешной осады он был вынужден возвратиться в Коканд. Только через некоторое время он сумел подчинить Ташкент.

Для всего ханства захват власти кипчаками имел серьезные последствия. Автор «Тарихи джаханнамои» писал, что во

---

[34] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958, стр. 210.

[35] По сообщению Мулла Нияз Мухаммеда — очевидца этих событий борьба происходила главным образом между кипчаками и сартами, состоящими их племен Ата Углнен и Калла Бададирон, которые являлись признанными потомками прежних султанов.

[36] بهر ولایتی را قپچاقی از قپچاقان نامزد فرمرد (Джунайд-мулла, Ук. рук. Л. 188а).

[37] Мулла Мирза Алим бин домула рахим. Ансаб-ас-салатин ва товарих-ал хавокин, рук. ИВ АН УзССР, № 7515, Л., 51а.

[38] Ниязмухаммад бин Ашурмухаммад. Тарихи шахрухи, Казань, 1885, стр. 170.

время борьбы кипчаков за власть, кроме убитых воинов, погибло и много мирных жителей. Трупы их лежали по несколько дней в пустынях и на обработанных полях. Население Коканда было ограблено[39]. Мулла Нияз Мухаммед, участник этих событий, бежавший с поля боя в районе Чуста, сообщал о прекращении движения через Сыр-Дарью, о преследовании кипчаками всякого появившегося на берегу человека.

Бесчинство и произвол кипчакской верхушки во главе с регентом Мусульманкулом перешли границы. По словам В. Наливкина, «насилиям не было конца и описывать их было бы слишком долго...» Он упоминал о насильственном захвате кипчаками домов и земельных угодий сартов, об истреблении ими древесных насаждений, о захвате и превращении в свою собственность источников орошения, об изгнании ими учащихся из медресе, об унижении мулл, об уничтожении книг и т. д.[40] Мусульманкул продавал общественные здания, полностью игнорируя права их собственников. Так был разбит на отдельные участки и продан один из крупных базаров Коканда «Бозори нау» (Новый базар), возникший на месте Иски-урды (Старой орды) в 1261 (1845) г.[41]

Переход власти в руки кипчакской феодальной знати, превращение хана в марионетку, осуществление ими полного господства в экономической и общественно-политической жизни ханства с присущей им жестокостью усилило враждебное отношение к ним других групп узбекской и киргизской светской феодальной знати. В восточных районах Кокандского ханства — в районе Оша и на Алае начались восстания киргизов.

Жестокое господство Мусульманкула вызвало резкое недовольство и среди духовенства. Автор «Миротул-фтух» писал, что Мусульманкул нарушал шариат. В качестве примера он приводил следующее: если два человека — истец и ответчик — приходили к нему и один предъявлял обвинение другому, обращаясь к Мусульманкулу за разрешением вопроса, а ответчик предъявлял законный документ, выданный улемами и казиями прежних времен, то Мусульманкул, обращаясь к присутствующим вокруг него людям, говорил: «Это есть документ, который казии тех времен выдали, получив много взяток. Поэтому действовать по нему нет необходимости, так как он не может служить доказательством (документом)». Он клал (представленный законный) документ себе под ноги

---

[39] Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук. Л., 185а.

[40] В. Наливкин. Краткая история кокандского ханства, Казань, 1886. стр. 163.

[41] Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук. Л., 196а.

и приказывал удовлетворить истца, поручив дело Мухассилу[42] с тем, чтобы он проследил за выполнением. И Мухассил, действуя по приказу, взыскивал любыми средствами эту незаконную плату[43]. Конечно, подобные акты не могли не затрагивать интересов духовенства.

Действия Мусульманкула вызвали недовольство не только среди земледельческих народных масс и землевладельцев но и среди значительной части самих кипчаков. В среде кипчакской верхушки скоро обнаружились разногласия. Это сказалось и на положение дел в Ташкенте. Сначала правителем его был назначен, уже вторично занявший этот пост, один из видных представителей кипчакской знати — Мулла Халбек. Но через два месяца он был отстранен Мусульманкулом, и на его место назначен другой, не менее видный представитель чустской кипчакской верхушки — Азиз Парвоначи (Азиз бачча).

Недовольная часть кипчакской верхушки добилась освобождения Мусульманкула от должности мингбаши. Одним из предлогов было то, что он не справился с захватом Ура-Тюбе в 1261 (1845) г. На должность главного визиря был назначен Мулла Халбек, стоявший во главе оппозиционной части кипчаков. Мусульманкул был выслан в Аблик. Эта смена власти усилила разногласия между кипчаками, что выразилось, в частности, в отказе ташкентского правителя кипчака Азиза Парвоначи подчиниться новому главному визирю. Мулла Халбек в 1263 (1846—1847) г. предпринял поход против Азиза Парвоначи (явного сторонника Мусульманкула), к тому времени уже подчинившего себе Туркестан. Сорокадневная осада Муллой Халбеком Ташкента ничего не дала. Это обстоятельство, а также жадность Муллы Халбека и его притязания на богатство кипчакской верхушки привели к тому, что во главе государства вновь был поставлен Мусульманкул. Пользуясь, видимо, непрочностью его положения, кокандская верхушка еще раз попыталась провозгласить нового хана, однако эта попытка была подавлена кипчаками — сторонниками Мусульманкула[44]. Острая политическая борьба между феодальной верхушкой сартов и кипчаков, а также внутри самой кипчакской правящей верхушки в середине сороковых годов привели вновь к власти Мусульманкула — этого твердо-

---

[42] В тексте слово, видимо, не совсем уместно использовано. Входило ли подобное задание в обязанности Мухассила в XIX в., пока остается неизвестным.

[43] «Миротул-фтух». Рук. проф. А. А. Семенова, стр. 110—111.

[44] Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад.. Указ. рук. Л., 199а. и Мулла Мирза Алим. Указ. рук. Л. 64а.

го, решительного с большим умом человека, но беспощадного и жестокого тирана.

Господство кипчакской знати еще более ухудшило и без того тяжелое положение народных масс, задавленных многочисленными феодальными повинностями. После захвата Ташкента кокандскими ханами эти повинности распространились и на население города и его области. Количество налогов, податей и сборов доходило до нескольких десятков. Основные поземельные налоги, как херадж и танап пули (сокращенно танап), были разорительными для трудящихся масс. Херадж, например, взимался, как и в другие периоды господства феодализма, в основном $^1/_3$, а в отдельных случаях в размере, равном почти половине урожая[45]. О попытке Мухаммед Али хана (1822—1842 гг.) увеличить зякет, об учреждении в его правление в Кокандском ханстве новой подати — улау-пули — мы уже останавливались в одной из наших статей[46]. Многочисленными были и так называемые чрезвычайные налоги, подати и сборы, которые частично перечисляются в литературе[47].

О таких сборах совершенно отчетливо писали авторы середины XIX века: «В случае войны, сбора кокандских войск и вообще экстренных расходов кокандское правительство собирало со всех подданных требуемую сумму»[48]. О тяжести и разорительности этих сборов, о господстве беззаконий и произвола при взимании их имеются прямые свидетельства русских авторов. Так, говоря о налогах и податях в Кокандском ханстве, один из видных авторов периода присоединения Средней Азии к России отмечал: «... да в случае войны или по прихоти хана, или беков, подданные подвергаются поборам в размерах самых фантастических; тут пользуется случаем и ворует, для чего и берет с народа лишнее, и деревенский, или квартальный аксакал, ворует сборщик от бека, ворует бек, ворует ханский казначей. Хан ограничивается лишь тем, чтобы цифра, назначенная им, была взята и предоставлена к нему полностью. А как это происходит — он знает — и не знает»[49].

---

[45] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1868, стр. 480.

[46] Р. Н. Набиев. Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг. журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, стр. 39.

[47] В. Наливкин. Указ. работа, и Ф. Азадаев. Ташкент во второй половине XIX в., Ташкент, 1959 г.

[48] А. К. Гейнс. Указ. труд, стр. 271.

[49] Очерки Коканда, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края А. П. Хорошхина, СПб., 1876, стр. 45.

При использовании сведений вышеприведенного автора и ему подобных может возникнуть вопрос — не являлись ли данные этих людей тенденциозными, поскольку некоторые из этих лиц были связаны с колониальной администрацией царизма, хотя они и являлись очевидцами и наблюдателями событий того времени. Бесспорно, представители царизма в целях оправдания установления колониального господства, могли и во многих случаях пытались отрицательно характеризовать существовавший здесь общественно-политический строй. Поэтому, к сведениям этих авторов необходимо подходить критически. При всем этом, в выше приведенной выдержке имеются две несомненные истины: во-первых размеры сборов такого характера, в данное время, т. е. в период усиления феодальных неурядиц, безусловно были «самыми фантастическими», что подтверждается и другими фактами, во-вторых, сборы всех налогов, податей, в том числе и чрезвычайных, осуществлялись путем прямого и жесточайшего ограбления податного населения на всех ступенях ханской администрации — от деревенского или квартального аксакала, до самого хана.

Произвол господствовал не только в установлении размеров налогового обложения, но и в способах их взимания. Установлением новых налогов и сборов, также как и их отменой занималось не только верховное, т. е. центральное правительство и удельные правители, являвшиеся почти полновластными хозяевами в масштабах своего удела-округа.

По сути дела формы правления в государствах Среднего Востока того периода мало отличались друг от друга. Ф. Энгельс характеризовал форму государственного управления Афганистана того периода как «монархию, но власть короля над его отважными и беспокойными подданными носит личный и чрезвычайно непрочный характер. Королевство делится на провинции; во главе каждой из них стоит представитель государя, который собирает подати и пересылает их в столицу»[50].

Деспотический характер власти ханов и правителей провинции в Кокандском ханстве, их произвол над населением бекств, степень подчиненности бекств верховному правителю довольно подробно описаны в тогдашней литературе. Вот, что писал А. К. Гейнс об администрации Ташкента при кокандских ханах: «Власти административная полицейская и судебная сосредоточивались в лице бека или парвоначи. Кроме то-

---

[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14, стр. 77—78.

го, он распоряжался по своему усмотрению суммами от разных сборов и имел право жизни и смерти над каждым гражданином Ташкента... Так как произвол бека не был ограничен никакой властью или законом, то вскоре после своего назначения они обращались в полновластных деспотов, которых одинаково боялись и ненавидели все классы народа»[51].

Конечно, отношения антагонистических классов и различных прослоек внутри этих классов к методу правления были различными. Среди трудового народа негодование и ненависть не имели предела. Но вместе с тем, и среди передовых прослоек господствующего класса, прежде всего купечества, нарастал протест против отсталой и грабительской формы правления в ханстве.

А. К. Гейнс, сравнивая форму правления среднеазиатских ханств с формой правления «кулачного права» в Западной Европе, писал: «каждый князек в пределах владений, которые он считает своими, устанавливает новые подати и отменяет старые, по своему усмотрению»[52]. Не говоря о верховном правителе — хане, в масштабах каждого бекства правитель считал себя полновластным хозяином. Он «смотрел на службу не как на бремя, но как средство кормления»[53]. Особенно самостоятельно вели себя правители Ташкентского бекства, отличавшееся значительностью территории (все южноказахстанские и северо-киргизские районы были подчинены Ташкентскому бекству), количеством населения, своим экономическим значением, и наконец, географическим расположением. Власть ташкентского бека, а с тридцатых годов — беклярбека над населением была безгранична. Беклярбек в иных случаях действовал совершенно самостоятельно, почти на правах хана.

Как мы отмечали выше, сороковые годы XIX в. характеризовались упадком в Кокандском ханстве. Усиливались внутренние раздоры, невиданный размах получила борьба внутри господствующего класса, росли сепаратистские тенденции среди правящей феодальной верхушки. В этих условиях, т. е. в условиях хозяйственного, культурного и особенно политического упадка, в довольно сильном до того ханстве все тяжелее становились налоги и подати, усиливались всякие злоупотребления в этой области. «Чем больше,— писали классики марксизма-ленинизма,— разлагалась империя, тем

---

[51] А. К. Гейнс. Указ. труд. стр. 452.
[52] Там же. стр. 708.
[53] Там же. стр. 451.

выше становились налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и выжимали чиновники»[54].

В одной своей статье мы отмечали, что принудительный труд населения ханств, в том числе и Ташкента, на строительства разных объектов, осуществляемом ханами, беками и другими высшими чиновниками и в целом всей феодальной знатью, осуществлялся варварскими методами и сопровождался жестоким произволом[55]. Там же упоминалось, что в правление Мадали хана (1822—1842 гг.) проводилась широкая мобилизация населения ханства в том числе и Ташкента для проведения различных работ в области орошения. Для того, чтобы представить всю тяжесть проведения ирригационных работ и их принудительный характер, приведем полностью данные автора «тарих — и джадидан Тошкенд» Мухаммада Салиха «Мухаммед Алихан, — писал он, — занялся *распоряжениями по управлению страной и послал в подчиненные* себе государственные учреждения правительственные указы, Приказания (его) о возрождении мертвых земель [امر باموراحیای اموات زمین] направленные на имя правителей *каждого города и его населения, стали известны во всех* краях шахской дренажы. (Мобилизация) народных масс и мужей страны для прорытия каналов [جوی کندن] очистки рек [رودهارا تازه کردن] выведение воды в большие каналы из Сыр-Дарьи [و از درایای سیربنجر های کلان آب براورون] делались общеизвестными по всей окрестности и периферии (страны)». Как подчеркивает автор, эти повинности коснулись особенно города Ташкента с его округом. «Получив ханский указ, (ташкентский) Лашкар-кушбеги благоустраивал пострадавших (мест) — населенных пунктов и крепостей, пустынь и степей, островов и рощь по всей окрестности города на расстоянии нескольких законных фарсахов за его пределами». Но этот приказ не ограничивал повинностей ташкентцев и тех районов, которые тяготели к городу. Особенно он (хан),— писал наш автор —«советовал оросить путем проведения каналов из Сыр-Дарьи город Ура-Тюбе и подчиненные ему селения — Хосхавас [خاص خواص], Замин и Ямин — эти зимовки и летовки кочевого общества племени юз, являвшиеся безводными пустынями и богарными землями (دشت های بی آب ولالمی کاری بود). (Хан)приказал всем подданным (Кокандского ханства), также пригласил (население) Ташкентского владения и его Лашкар-кушбеги, идти в качестве мужей го-

[54] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932, стр. 150.

[55] Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 7, стр. 40—41.

сударства и рабочих в район Ура-Тюбе, который называют Дальверзином, для его благоустройства и проведения (туда) из Сыр-Дарьи большого канала, с помощью населения Ташкента и его округа[56].

В начале весеннего сезона всех людей с их верховыми животными и припасами увозили в сторону Ура-Тюбе и определенную (ханом) местность для проведения дальверзинского канала. И каждый город отчитывался перед аксакалами о прорытых в течение дня назначенное количество гязов канала в соответствии с (количеством посланных туда рабочих). Среди работавших на государственных работах особенно отличилось население Ташкента. Ташкентцы выполняли и заканчивали свои дневные работы раньше, чем другие»[57].

Далее, Мухаммад Салих рассказывает, что сам хан Мухаммед Али, узнав о быстрых темпах работы, прибыл в дальверзинскую степь в «целях прогулки и охоты» и остановился в лагере ташкентского правителя и ташкентских должностных лиц. На поклон к нему пришли мобилизованные жители Ташкента, Ходжента, Ура-Тюбе, Курамы, Коканда, Намангана, Маргилана, Андижана и других городов, а также вельможи, начальники и управители племен[58]. Ознакомившись с проведенными земляными работами, Мухаммед Алихан одаривал наряду со знатными представителями других округов и представителей Ташкента. На должность бия назначен Бекмухаммед — аксакал сын Нурмухаммеда бахадура. А затем хан вернулся в столицу[59].

Довольно внушительными были и размеры строительства других объектов-дворцов, медресе, мечетей, дорожных и военно-оборонных сооружений, садов и парков. В первой половине XIX в. началось строительство большого количества оборонительных и военно-стратегических сооружений — крепостей по всему ханству и особенно в пределах Ташкентского удела — в Дешти-Кипчаке и Семиречьи. На эти работы, безусловно, широко мобилизовалось население ханства и, особенно, жители Ташкента.

Мухаммад Салих как представитель класса феодалов закрывает глаза на произвол, совершавшийся знатными людьми над бесправными землекопами. Он ничего не говорит и о многочисленных трагических случаях, имевших место при про-

---

[56] В рукописи слова «большие каналы» повторяются.
[57] Мухаммад Салих. Указ. рук., стр. 127.
[58] Там же.
[59] Там же стр. 127—128.

ведении подобных работ. А между тем о таких случаях есть сведения в литературе[60].

Выполнение в первой половине XIX в. огромного по затрате труда объема работ по орошению Ташкента и Ташкентского района не улучшило водоснабжения города. Населению Ташкента по-прежнему была необходима вода, особенно, в летний период. Чтобы получить воду жители Ташкента вынуждены были платить большие деньги. Ташкент резко отличался от других среднеазиатских городов большим количеством садов, огородов, полей. Поэтому недостаток воды мог иметь здесь самые отрицательные последствия и для земледельческого хозяйства горожан. А. К. Гейнс писал по этому поводу: «Иногда население, живущее по реке Чирчик, задерживает воду, идущую в Ташкент в самую рабочую пору, ссылаясь на необходимость оросить свои собственные поля. Тогда ташкентцы покупают у них воду, отсылая с аксакалами сумму, собранную с целого города. Впрочем подобные сборы, по словам богатейшего жителя Ташкента казанского купца Шарифея, составляют предмет ежегодного большого дохода для аксакалов серкара[61] и других высших лиц местной администрации. При малейшей порче ирригационной системы или задержке воды, они собирают с города совершенно произвольные суммы, которые платятся из опасения потерять сады и посевы»[62].

Все «законные» и незаконные налоги и сборы, взимавшиеся с трудового народа феодальным государством и его местными администраторами, даже сборы, поступавшие, на первый взгляд, в пользу общественных мероприятий, шли в казну хана, в карманы его наместников, центральных и местных, алчных чиновников.

К. Маркс в статье «Налоги в Индии» писал: «При оценке налогового бремени следует учитывать не столько его номинальную сумму, сколько способ взимания и расходования налогов. Способ взимания налогов в Индии отвратителен... Что же касается расходования собранных налогов, то достаточно сказать, что ни единая доля их не возвращается народу в

---

[60] «Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 7, стр. 40.

[61] Серкар назначался беками из числа самых почетных людей. Серкарам были подчинены мирабы, арык аксакалы. В Ташкенте было 24 мираба и 24 арыка аксакала. По мнению А. К. Гейнса различие между мирабами и арык аксакалами состояло в том, что, последние заведывали арыками, а первые были по существу чиновниками по составлению хераджных списков и сбору хераджа.

[62] А. К. Гейнс. Указ. труды, стр. 456.

форме общественно-полезных сооружений, более необходимых в азиатских странах, чем где бы то ни было...»[63]

И в условиях Средней Азии способ взимания налогов был так же отвратителен, как и в Индии. Все данные свидетельствуют о том, что налоги и здесь полностью шли в пользу класса эксплуататоров — ханов, его наместников, огромной чиновничьей иерархии и в целом феодалов. Неся всю тяжесть принудительных работ, выплачивая многочисленные налоги, подати и поборы, народ был лишен возможности пользоваться плодами своего труда, потраченного даже на ирригационные сооружения. «...Народ,—писал А. П. Хорошхин,—не видит своих денег, не видит на себе самом последствий своих трудов и бессознательно трудится для дармоедов. Добро бы брали один подати по «шариату»—нет, жадно берут все, когда вздумается, не соразмеряя народных сил»[64]. Это свидетельство представителя буржуазно-дворянской историографии, одного из видных исследователей периода присоединения Туркестана к России, говорит само за себя.

В феодальном обществе в сфере общественной жизни простой человек был лишен элементарных прав, беззаконие и произвол, поддерживаемые и поощряемые шариатом, не имели предела, народные массы были задавлены невежеством и темнотой, давление господствовавшей мрачной атмосферы ощущалось и на общественной и на семейной жизни трудящихся. «Один ташкенец хотел жениться по движению взаимного чувства, но невесту сговорили за другого жениха. Этого было достаточно, чтобы влюбленных повесить»,[65] — писали пораженные беспредельным произволом русские инженеры, побывавшие в Ташкенте на грани XVIII—XIX вв.

Прибывший в 1330 г. в Кокандское ханство и проехавший через Ташкент хорунжий Потанин, был потрясен увиденной трагедией. «Однажды — писал он, — поехал я к одному знакомому мне татарину и, проезжая мимо разрушающейся мечети, увидел толпу народа, посреди которой стояла под покрывалом рыдающая женщина. Распросив об этом находившегося при мне чиновника, я узнал, что женщина эта обличена мужем своим в неверности и представлена им на суд, который приговорил сбросить ее с мечети. Несчастную жертву слабостей и страстей человеческих ввели на самый верх мечети и столкнули. Сердце мое облилось кровью при взгля-

---

[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 531—532.

[64] Очерки Коканда, Указ. сб., стр. 45.

[65] Поездка Бурнашева и Поспелова в Ташкент в 1800 г. ВИРГО, 1851, ч. I, кн. I, разд. геогр. и истории.

де на обезображенный труп ее, и я тотчас удалился от этого плачевного и вместе ужасного позорища»[66].

Этот потрясающий факт дикого произвола, потрясший военного человека, характеризует царившую тогда в стране атмосферу.

Ко всему этому нужно добавить и разыгравшиеся в этот период острейшие политические события: господство кипчакских феодалов, высокомерие и произвол правящей кокандской верхушки и их представителей на местах. Феодальные смуты разоряли не только трудящиеся массы; они наносили серьезный урон хозяйству купцов и верхушки ремесленников и торговым отношениям в целом. «Купцы, не предвидя скорого конца смутам,— писал один из очевидцев,— стараются заранее, пока кипчаки еще не успели совершенно разорить их, выбраться из города»[67]. От разорительных действий кипчакской знати страдали не только земледельцы, но и широкие народные массы города. Разорение земледельческого и городского населения было доведено до крайности.

Усиливались классовые противоречия, рос протест народных масс против насилия правящей феодальной верхушки. Ярким примером народного возмущения может служить ташкентское восстание в 1263 (1847) г.

Недовольство среди населения Ташкента правлением кипчаков, особенно сторонников Мусульманкула, началось почти с первых дней их прихода к власти. «Через немного дней,— писал Мулла Нияз Мухаммед,— население Ташкента, опечалившись и огорчившись правлением кипчаков, власть этого племени стало считать для себя отвратительной... Через несколько дней сартовское, казахское и другое население узнало, что власть кипчаков исполняется с жестокостью, с грубым характером. Она опечалила и обидела все население области. Прежде всего Мусульманкул, своими многочисленными казнями знатных людей столицы вызвал ненависть народа, поэтому его власть считалась отвратительной. В конце концов узнали, что возникли стеснения в положении области»[68].

По сведениям автора «Миротул-фтух», который был сторонником кипчаков, Азиз Парвоначи «установил такой порядок в управлении городом и вместе с окрестными селениями и подданными казахами и киргизами, что ни один из малых или великих, живущих на окраинах людей или низкий человек без

---

[66] Записки о кокандском ханстве Хор. Потанина, 1830, ВИРГО, 1956, 7. 18, стр. 286.

[67] Дневник С. Я. Ключарова. См. книгу В. В. Веляминова-Зернова, ВИРГО, ч. 18, СПб., 1856.

[68] Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммед. Указ. соч., стр. 169—170.

его повеления не имел силы и права перешагнуть на расстоянии даже кончика пальца от большой дороги правдивости и справедливости. Его публичные наказания доходили до того, что он совершал надругательства, обнажив ударами 70 палок или вместо ударов казнил, передавая дом и достояние наказуемого разграблению и разорению. Он настолько завладел казахскими и киргизскими племенами и горожанами, а также отрядами войск, что они не могли дать даже тайно ни одного дирхена, ни одного фельса местным правителям, начальникам, способным людям и государственным чиновникам ни из хераджа и зякета, ни из яргу и алагата. Указанные племена, получив от населения и полностью (налоги и поборы), не давали и не могли дать ничего из них даже в уменьшенном размере, представителям султанского дивана и казны»[69]. Эти строгости, введенные Азизом Парвоначи в делах управления областью, поступления и распределения налогов, ущемляли интересы той части городской знати, которая раньше взимала налоги и имела большую выгоду от этого. Ущемлены были и интересы широких кругов горожан. Огромные налоги, методы их выплачивания и жесткость, с которой правитель — кипчак карал несостоятельных налогоплательщиков, положили начало брожению почти во всех слоях города.

К вопросу о социальном составе населения города

Ликвидация Ташкентского государства не оказала существенного влияния на развитие политического строя в Средней Азии. Стремление ташкентского владетеля Юнуса ходжи удовлетворить, прежде всего, интересы городской знати, особенно торгово-ремесленной верхушки города, на которых он опирался, в начале его правления были сравнительно прогрессивными и могли бы сыграть положительную роль; но было необходимо, чтобы этой политике придерживались и другие области и города Узбекистана. Даже в самом Ташкенте эти тенденции скоро заглохли и Ташкентское государство не стало отличаться от других типично феодальных Среднеазиатских государств[70].

Вхождение Ташкентского владения в состав Кокандского ханства способствовало осуществлению внутригосударственных торговых связей Ташкента с Ферганской долиной, а через нее — с Восточным Туркестаном и Ферганскую долину с Россией. Характерно, что сразу после подчинения Ташкента Кокандскому ханству Алим хан, возвратившись в Коканд

[69] «Миротул-фтух», стр. 113—114.
[70] Диссертация Ю. А. Соколова.

приказал составить караван из имевшихся в ханской конюшне 300 верблюдов «с товарами, подходящими для России». [هر متاعیکه مناسب ولایت اوروس باشد] для отправления на Русь, караван был немедленно подготовлен и отправлен в сторону Ташкента[71].

Установление тесных экономических, культурных и политических отношений между Ферганской долиной и Ташкентом — двумя крупнейшими районами с основным узбекским населением — способствовало развитию как ферганских городов, так и Ташкента, дальнейшей консолидации узбекского народа. И несмотря на установление ненавистной для многих слоев ташкентского населения власти ферганских ханов, после включения Ташкента в Кокандское ханство, город и все владения продолжали неуклонно развиваться. В составе Кокандского ханства они явились важнейшим экономическим и политическим центром, занимая положение важного узлового города в торговле Бухарского и Кокандского ханства и сопредельных с ними азиатских стран и России. Растет число жителей города. Если на грани XVIII—XIX вв. в городе насчитывалось 10 тыс. домовладений, то накануне завоевания его царскими войсками приблизительно количество населения Ташкента достигало 60 тыс. чел.

Растущее торгово-ремесленное значение городов Кокандского ханства, в том числе и Ташкента, не могло не оказать влияния на социальный состав их населения. Кроме правящей феодальной аристократии, во главе с ташкентским наместником кокандских ханов (беклярбеком), назначаемым кокандскими ханами из числа своих родственников или высшей феодальной знати, выделялись следующие группы.

Верхушка городского общества состояла из наиболее богатых семей города. Они принимали участие в управлении городом и его округом. Эта прослойка играла большую роль еще в своеобразном государстве Юнус ходжи, который в политических делах государства опирался почти исключительно на них, учитывая интересы крупного купечества и зажиточной верхушки ремесленников. Прежде всего следует выделить крупных торговцев, ездивших со своими товарами в Россию, Сибирь, Казахско-Киргизскую степь, в города среднеазиатских ханств и соседние восточные страны. Они были известны под названием «ташкентлик», который как и более ранний термин «бухарцы» охватывал купцов и других

---

[71] Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммад. Указ. соч., стр. 76.

городов Средней Азии. Довольно широкое распространение этого термина, начиная с XVIII в., явно свидетельствует о том большом значении, которое имели в торговых связях, а следовательно и в социально-экономической жизни город и его все усиливающееся купечество. В руках купечества сосредоточивалась значительная часть городской торговли: купцы были владельцами ремесленных мастерских; крупных загородных садов, пригородных земельных угодий и т. д.

К верхушке городского общества в XIX в., принадлежала и имущая наиболее влиятельная часть привилегированного сословия ходжей. Само слово «ходжа» (خواجه) в русском переводе[72] имеет значение уважаемого человека, хозяина, господина и почетного гражданина[73]. Характерно значение этого термина, под которым понимается определенная прослойка, связанная в последних столетиях с товарно-денежными отношениями, переходит за рамки мусульманских стран и распространяется на далекие соседние страны, имеющие тесные торговые связи со Средней Азией. Так, независимо от первоисточника слово (хозя) перешло из среднеазиатских языков в русский язык с дополнением суффикса «ин» в связи с развитием торгово-дипломатических отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами и произносится на протяжении последних столетий как «хозяин» со значением господина и почетного гражданина. Это же слово, видимо, потом возвратилось в языки среднеазиатских народов в форме «хожаин» с прибавлением русского суффикса «ин» к первоначальному слову.

---

[72] Слово «ходжа» (خواجه), мн. ч. Ходжаган (خواجكان) по мнению А. З. Будагова, имеет понятие — старец, старшина, господин, богатый купец, хозяин, учитель, профессор и т. д.; Оно из турецкого قوم, бухарцы и сирийские арабы произносили хаводжа (А. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, 1896, стр. 539—540).

По мнению ряда авторов слово «хозяин» в русском языке восточнославянского происхождения и образовалось от «хозя» — господин, с помощью суффикса единичности «ин» и заимствовано из тюркского языка. Оно встречается еще в памятниках XVI в. (Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанский. Краткий этимологический словарь русского языка, М., 1961, стр. 361).

Другой автор пишет, что слово «хозяин» из мишарского (мещеряцкого) диалекта татарского языка, где это слово звучит «хузэй» и оно происходит от персидского слова «ходжа» (Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 568).

[73] А. В. Миртов. Лексические заимствования в русском языке в Средней Азии, Ташкент — Самарканд, Учпедгиз, 1941, стр. 66; Толковый словарь русского языка, под. ред. проф. Р. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стр. 1168.

Привилегированные ходжи и сеиды при всем своем своеобразии и особенностях занимали в условиях Средней Азии приблизительно такое же общественное положение, как, например, патриции на Западе в XVI в. Говоря о последних, Ф. Энгельс писал: «Верхушку городского общества составляли *патрицианские роды*, так называемые *«благородные»*... сильные своим богатством, своим традиционным, признанным императором и империей аристократическим положением, признанный, они всеми способами эксплуатировали как городскую общину, так и подвластных городу крестьян»[74].

Ходжи так же, как и сеиды, считавшиеся «благородными» по своему происхождению, являлись истинными аристократами. Они считали себя потомками самого пророка и первых халифов. Высший слой их занимал соответствующее положение в общественно-политической и социально-экономической жизни страны и городов. Известно, что на протяжении нескольких столетий наиболее крупные их представители, стоявшие во главе суфийских орденов, владели огромнейшим движимым и недвижимым имуществом, сосредоточили в своих руках крупные богатства.

Если раньше в их хозяйствах главное место занимало земледелие и скотоводство, то в рассматриваемый период с развитием торговли и ремесла последние занимают в их хозяйстве все большее и большее место. Почетное место ходжей и сеидов в общественно-экономической жизни страны, как и их аристократическое происхождение, были безоговорочно признаны ханами. Все имеющиеся факты убедительно показывают, что здесь, в условиях Средней Азии, они безжалостно эксплуатировали «как городскую общину, так и подвластных городу крестьян». Из этого сословия происходил и глава Ташкентского государства Юнус ходжа. При нем была введена специальная должность башчи-ходжа — высший сановник, фактически второе лицо в государстве, в отсутствие владетеля рассматривающий все дела самостоятельно. Характерно, что ему был поручен надзор за внешней и внутренней торговлей[75]. В Кокандском ханстве при центральном правительстве существовала должность великий ходжа — ходжа-калан или ходжаи калан (خواجه کلان), числящаяся в списках должностей первой. На нее назначались наиболее влиятельные и близкие хану люди. Ее занимали люди из потомков ходжи Ахрара или Махдуми Агзама. Все это связано было, видимо, с той высокой ролью ходжей, которую они

---

[74] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 352—353.
[75] Рук. кандидатской диссертации Ю. А. Соколова.

играли в социально-экономической и политической жизни края[76].

Занимая государственные и религиозные должности, ведя торговые операции как внутри страны, так и за пределами Средней Азии, они занимались и ростовщичеством, наряду с ростовщиками-иностранцами, давая людям денежные ссуды и, конечно, зерно. Они торговали, как патриции Запада, «цеховыми привилегиями, званием мастера, правами гражданства и правосудием»[77]. Вышедшие из среды высших слоев горожан чиновники «при взимании поборов присоединяли к аристократической жестокости и алчности еще и известный бюрократический педантизм»[78].

Действительно, группа ходжей так же как и сеидов, представляющая собой определенную касту, «тесно сплоченную узами и общностью интересов» и «присваивавшая себе всевозможные привелегии», легко и беспредельно обогащалась за счет городских доходов. Отправленные в Россию в конце XVIII в. послы Юнуса ходжи ташкентцы — Мухаммад ходжа, Азиз ходжа, Мулладжан Махдум, а в середине века — Саид Азим-бай и Мухаммад Саидбай—были крупными представителями торгово-ремесленного сословия города и выразителями их интересов.

Среди богатых горожан и горожан среднего достатка были и представители так называемого «простонародья» (فقرا)[79]. А прослойка горожан среднего состояния включала в основном ремесленников разных профессий и мелких торговцев.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что развитие торговли, развитие товарообмена играли важную роль в развитии социальных отношений, в конечном итоге привели к выделению нового класса — капиталистов[80]. Известно, что на Западе возникновение капитала относится еще к концу

---

[76] Не следует смешивать с придворной должностью «Ходжаи калон», существовавшей несколько столетий раньше (последнее упоминание в XVII в.), в значении главы дворцовых внуков. По мнению проф. А. А. Семенова, эта должность в указанном значении в позднейшей Бухаре не существовала (см. А. А. Семенов. Бухарский трактат..., «Советское востоковедение», У, М.—Л., 1948, стр. 148).

Должность «ходжа калан» несомненно имела большую эволюцию и в XIX в. в кокандском ханстве она превратилась в одну из первых должностей.

[77] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 353.

[78] Там же, стр. 353.

[79] В настоящее время под словом «фукаро» понимаются жители, народ, подданные. Однако слово «факир» ми. ч. «фукаро» означало бедных, забытых, униженных и пр.

[80] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 78.

средних веков. Это было связано с громадным развитием мировой торговли и увеличением количества драгоценных металлов. Когда серебро и золото стали орудием широкого обмена, в одних руках посредством роста и развития денежного оборота могли накапливаться громадные богатства[81]. Но в условиях Средней Азии развитие торгового обмена не достигало такого размаха. Речь идет только о зарождении этого процесса. И все же накануне завоевания Ташкента царскими войсками в 1865 г. в самом городе имелись крупные купеческие семьи, производившие торговые операции с центральными городами России, с соседними азиатскими странами и внутри самого ханства. Генерал-майор Черняев в своем рапорте на имя начальника главного штаба от 4 октября 1866 г., т. е. через год после захвата им Ташкента, писал: «Ташкенец Магомет Сагыт-бай **по своему состоянию, многочисленному родству и связям** принадлежит к числу самых влиятельных людей в Ташкенте. Насколько мне известно, **он издавна ведет значительный торг в России, имея постоянных приказчиков в Петропавловске и Троицке.** Во время владычества кокандцев, неоднократно ездил в Россию, понимает по-русски и **имеет связь с нашими торговыми домами в Москве и Нижнем.** Сын его воспитывается в Бухаре, где он также **имеет большие торговые связи.** По понятиям он мусульманин, но мусульманин цивилизованный, **готовый на уступку противу корана** (подчеркнуто мною — *Р. Н.*), если это явно не противоречит коранным правилам магометанства и выгодно для торговли. Он в хороших отношениях к духовенству и, опираясь на него, имеет влияние на массу населения»[82].

По словам Черняева, Магомет Сагыт-бай принадлежит к «партии народной», он действовал «в пользу русского владычества и при кокандцах и был главою преданной нам (т. е. России) партии в Ташкенте»[83]. Находясь в Петербурге в 1865 году Магомет Сагыт-бай был принят военным министром и представлен к «награждению бриллиантовым перстнем с вензелевым изображением имени Его Величества и почетным халатом»[84].

В этом же рапорте Черняев писал и о другом крупном ташкентском купце кануна присоединения города к России— Саид Азимбае: «Сеид Газым едва ли не самый богатый из ташкентских купцов; **ведет обширный торг с Россией, Бухара-**

---

[81] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 78.
[82] Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 8075, лл. 13—23, 1866.
[83] Там же.
[84] Там же, лл. 10—12.

рой и Кокандом, бывал часто в России, выучился говорить по-русски, по понятиям вовсе не фанатик, но находясь во вражде с духовенством, не имеет значения в массе населения и **круг его влияния ограничивается капиталом.** Поэтому он может быть с пользою употреблен для действия **на купеческий или богатый класс** между которым имеет много должников»[85] (подчеркнуто мною — *Р. Н.)*. Сеид Азимбай задолго до завоевания Ташкента царскими войсками, еще в 1859 г. был награжден оренбургским генерал — губернатором Катениным серебряною чашкою и по представлению Министерства иностранных дел России «Его Величество соизволил пожаловать (Сеид Азиму) Мухаметбаеву серебряную медаль с надписью «За усердие» «для ношения на шее на станиславской ленте»[86]. На этот раз он был удостоен награды за его «человеколюбивый поступок, выразившийся в выкупе из плена крестьянина Тобольской губернии Данилы Коробкина, находившегося с 1855 года у кокандцев»[87].

Упоминание о последнем событии встречаются у Мухаммед Салиха в «Тарихи джадидаи Ташкенд» («Новая история Ташкента»). Описывая наступление царских войск на город Туркестан весной 1279 (1863) г., он сообщает, что в 1863 г. как всегда весной, купцы, отправившись из Ташкента в сторону России, достигли города Туркестана. В их составе был Саид Азим, сын Мухаммеда, выходец из горного Каратегина или Шугнана, который проживал в Ташкенте. В Туркестане он купил русского пленного, попавшего в боях в руки наместника Туркестана Мирзы Давлатбия дадхи. Саид-Азим выплатил последнему 250 кокандских тилля, передал пленного русским властям и добился перемирия. За это он был награжден царскими подарками. По словам автора, Саид Азимбай «в интересах мирских и купеческих дел перешел на сторону русских». Вследствие этого «неприличного» его поведения, отклонились от дела (обороны Туркестана—*Р. Н.)* и некоторые «невежественные» люди той эпохи, т. е. кочевое население — племена дуглат, аргун и барлас, а также случайные люди, прибывшие из разных областей. И далее Мухаммад Салих указывал, что этот шаг был сделан Саидом Азимбаем «в интересах мирских дел и торговли»[88].

В январе 1862 г. Саид Азим бай был вновь награжден императором золотою медалью «За усердие», для ношения на шее на станиславских лентах. Вместе с ним получил на-

---

[85] Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 8075, лл. 13—23, 1866.
[86] Там же, л. 3.
[87] Там же, л. 3.
[88] Мухаммад Салих. Указ. рук. стр. 258—259.

граду и бухарец Малябий Искандар Бабаджанов, награжденный серебряной медалью «За усердие». Эти высокие награды были выданы царским правительством «За содействие усиления торговли» между Россией и Средней Азией[89].

Итак, первый из ташкентских купцов Мухаммед Саид-бай принадлежал к числу самых влиятельных горожан. Объем его торговли был значителен. Он держал своих приказчиков в таких транзитных торговых узлах, как Петропавловск и Троицк, имел связи с русскими торговыми домами Москвы и Нижнего. Если было «выгодно для торговли», то он был готов идти «на уступки противу корана». Последнее явно свидетельствует о том, какое значение имела для него торговля.

Другой ташкентский купец, Саид Азим-бай Мухаммедбаев вел обширный торг с Россией, Бухарой и Кокандом, часто ездил в Россию, учился там, говорил по-русски, имел много должников среди торговцев. Черняев подчеркивал, что «круг его влияния ограничивается капиталом». Характерно, что он находился во вражде с мусульманским духовенством.

Вышеприведенные данные и прием этих ташкентских купцов, не имевших никаких дипломатических функций, высокопоставленными царскими чиновниками-губернаторами, министрами и награждение их высшим правительственными наградами царской России говорят о широком размахе торговых операций и большом их значении в экономических связях того периода. В отношении освобождения рабов Саид Азимбай был, несомненно, выразителем передовых идей того периода. Черняев в том же рапорте писал: «В деле освобождения невольников он первый подал пример и убедил остальных»[90]. Это сообщение Черняева подтверждает и Мухаммед Салих[91].

Очень интересны общественные взгляды Саида Азимбая, характеризующие развитие общественной мысли передовой прогрессивной интеллигенции того периода, носителей идеологии зарождающейся местной буржуазии. В письме Саида Азимбая, врученном 22 марта 1871 г. генерал — губернатору Кауфману во время пасхального приема, Саид Азимбай смело поднял вопрос о необходимости преобразования

---

[89] Госархив Оренбургской области ф. 6, оп. 10, д. 7728, л. 8, 1866.
[90] Там же, д. 8075, лл. 13—23, 1866.
[91] Мухаммед Салих. Указ. рук., кн. 2, стр. 20—21.

школ[92]. Хорошо зная уровень социально-экономической и культурной жизни в России, он прежде всего обратился к русскому государству за помощью, которая способствовала бы поднятию уровня жизни узбекского народа до уровня других народов России. Удивленный достижениями русского народа в области знаний, Саид Азимбай с горечью отмечает, что «мы т. е. среднеазиатцы живем обособленной, стародавней жизнью нашей. Мы не прочли ни одной книги, из которой они черпают знания свои, не восприняли ни одного приема в ремеслах их». Далее он пишет о том, что никто из среднеазиатцев не знает законов, которыми управляется их родной край. Несмотря на то, что старые учебные заведения — медресы, мактабы — имеются и их много в городах края и они материально обеспечены т. е. вакуфами, но «эти школы из года в год, из столетия в столетие передают нам одни и те же знания, дают нам одни и те же понятия, которые приводили и приводят нас лишь к тому быту, какой был у сотен поколений» и далее, он замечает, что «знания эти неизменны — жизнь идет мимо них. Изменчивый ход событий не касается их. Они сообразованы с требованиями, возникшими тысячу лет тому назад и других требований не признают». О том, насколько он был прогрессивен в своих взглядах, свидетельствует его замечание, что «возвращаться в мечтаниях к старому — вредно народу». Саид Азимбай как представитель зарождающейся среднеазиатской буржуазии хотел, чтобы знание служило интересам его класса. «Знаниям, — пишет он, — в этих школах приобретенным, нет приложения в настоящем общественном и государственном строе».

Смело рекомендуя реформу мусульманских школ, принципиально подняв вопрос о необходимости приближения к русской культуре, он прекрасно видел острейшие противоречия, большую опасность таких взглядов в общественной жизни того периода. «Я способен понимать, — писал он, — все то неспокойствие духа, которое, естественно, бывает следствием несовместимости всех потребностей души и ума с событиями жизни. Не любить свой народ мудрено, и я люблю его, не могу не заявить, что считаю школу его в том виде, как она существует, вредом для него». Поэтому он ставит вопрос о реформе школ. «Новая школа должна быть прежде

---

[92] Это письмо, хранящееся в ЦГА УзССР ф. 1, оп. 19 арх. д. № 10, лл. 2—6 с известным сокращением, и материалы о принятых мерах со стороны Кауфмана, окончившиеся безрезультатно, опубликованы кандидатом исторических наук А. Савицким в журн. «Звезда Востока», 1962, № 3, стр. 158—160.

всего полезна. Знания, в ней черпаемые, должны быть в жизни каждого из нас применимы».

Еще в тех условиях он дерзко предложил внести в систему обучения следующее: изучение русской грамоты, применение русского алфавита «на сартовском языке», изучение русских законов, особенно необходимых, и которые исключительно для края писаны». Наряду с ним изучать и шариат, только его реформировав, т. е. «преподавать уже приведенным в систему», обучить арифметике и ремеслам. Очень интересен последний абзац предложения о необходимости обучения ремеслам, т. е. введение предмета в школах для получения производственных навыков детьми. Он указывает, что народы Средней Азии сами очень способны в деле ремесленного производства. Однако они «далеко отстали от русских людей».

Для того периода Саид Азимбай со своими передовыми идеями не был исключением. Председатель образованной Кауфманом комиссии для определения мероприятий по данному письму Терентьев просил о назначении в помощь ему некоего Ходжи Юнусова, «как человека вполне способного выполнить задачи, поставленные комиссией и вполне сочувствующего этим благим намерениям».

Следует отметить, что указанное письмо Саида Азимбая было подано в 1871 г., через 6 лет после присоединения города к России. Однако подобные взгляды имели место и раньше до присоединения Ташкента к России. В письме Саид Азимбай писал, что его отец «благодаря своего разума и предчувствия событий» послал его учиться в Нижний. Когда конкретно он учился в Нижнем, неизвестно, но это было несомненно до присоединения Ташкента к России, чему свидетельствуют его же слова «предчувствия события» т. е. присоединения Ташкента к России. Видимо, он учился в Нижнем еще до 1860 г., ибо в 1871 г. у него уже было два взрослых сына, которых он рекомендовал на учебу к предполагаемому пореформированному Ишанкульскому медресе, что не было осуществлено. Значит еще до 1860 г. его отец Мухаммедбай принадлежал к группе передовых горожан. Кауфман как-то сказал о Саиде Азимбае: «Потомственный почтенный гражданин».

В рапорте генерал-майора Черняева два ташкентских купца охарактеризованы как исполнители значительной роли в политической жизни края в период завоевания Ташкента царизмом и в первые годы после него. Эти данные, конечно, не охватывают всего купечества в целом. Крупных ташкентских купцов было значительно больше. В городе они состав-

ляли определенную прослойку, которая при наступлении царских войск ориентировалась на Россию.

По сообщению Мухаммада Салиха, летом 1864 г., еще до подчинения Ташкента Черняевым, около 3000 торговцев, купцов, лавочников и пришлых людей со своим движимым имуществом покинули Ташкент и ушли в города Чимкент, Алие-Ата, Туркестан, уже присоединенные к России[93]. Причина этого ухода заключалась в том, что господствовавший в среднеазиатских государствах отживший, окостенелый политический строй далеко не мог удовлетворить требований торгово-ремесленной верхушки города, и она искала поддержки извне, видела в этом выход из создавшегося положения[94]. Цифра, приведенная Мухаммадом Салихом, характеризует, до некоторой степени, численность торгово-купеческой прослойки Ташкента, (под словом «пришлые люди» — مردمان فراکنده следует понимать тоже торговцев)[95]. Разумеется, нет оснований говорить о том, что все торговцы покинули город. Черняев в указанном документе употребил даже выражение «купеческий или богатый класс».

Приведенные данные о двух ташкентских купцах, для которых значение торгового капитала стояло на первом плане, весьма показательны. Все более усиливавшееся значение русской торговли для среднеазиатских купцов заставляет их месяцами и годами находиться в далеких соседних странах[96], в различных городах и на ярмарках, иметь тесные связи с торговыми учреждениями и купцами России и других соседних стран. Отдельные купцы переселялись в Россию. Все это свидетельствует об активном участии среднеазиатских куп-

---

[93] بقول اقاویلان همان ایام قریب بسه هزار از سوداگران و تجاران و دکان نیشینان مردمان فراکنده مع اموال و غیر مال ازدروازهٔ تاشکند تخارجه نموده ببلدهٔ چمکنت و بلدهٔ اسفحاب فی زمانا سرایام [سیرام] گویند و باولیااتا وقلعهٔ ترکستان انتشار گردیده اند (Мухаммад Салих. Указ. рук. Кн. I, стр. 282.)

[94] См. стеногр. объед. научн. сесии, посвященной прогрес. значению прис. Ср. Азии к России, составлявшиеся в Ташкенте в 1959 г. (выступление Р. Н. Набиева).

[95] Госархив Оренбургской области, ф. в, д. 8075 л. 3.

[96] В распорте Московского обер-полицмейстера на имя Оренбургского военного губернатора П. К. Эссена от 23 ноября 1820 г. указывалось, что бухарцы Жакирджан Маджанов Зереоркары (он же значится по билету Мулла Зариф Маратов) и Шакиржан Марме (не Рахим, а Рахимбаев) проживает в Москве по билетам, даваемым Московским военным генерал-гу-

цов в мирном торговом обмене и о том, что земледелие, обладание землей с зависимым крестьянством для этих купцов не имели прежнего первостепенного значения. Наоборот, эти факты характеризуют стремление крупных представителей ташкентского купечества к обществу, «основанному на частной собственности, на власти капитала»[97].

Конечно, крупные купцы, ведущие торговые операции не только внутри города или ханства, но и с соседними странами, прежде всего с Россией, имели крупные земельные владения, расположенные вблизи и вдали от Ташкента, вероятно, они были и собственниками земли и, несомненно, эксплуатировали значительное количество людей (форма эксплуатации, к сожалению, еще остается не совсем известной). На своих землях они производили товарный продукт, который шел частью на российский рынок (такие, например, как фрукты и хлопок). Хотя производимая ими продукция носила товарный характер, но она не играла главной роли в торговых операциях этих землевладельцев-купцов. Большее значение имело то, что владея оборотным капиталом, купцы

бернатором. Амурханов проживает четвертый год, Шарипов — два года, а Рахимбаев пять лет, Мулла Нияз Шарипов один год. Хотя они не производили торговли в Москве, но ездили на Малоярославскую ярмарку, где получали присылаемые из Бухары разные товары и их продавали как местным, так и приезжим на ярмарку торговцам «за деньги и в долг». По окончании ярмарки они приезжали в Москву, здесь жили до следующего сезона ярмарки и собирали долги (Госархив Оренб. об. ф. 6, оп. 10, д. 2336, № 5, 1920).

Во исполнение отношения Оренбургского военного губернатора Санкт-петербургский обер-полицмейстер в декабре того же 1820 г. писал: «Бухарцы Макманзур Зерифджан и Явисбадал Мурмаметов проживают в Санкт-Петербурге. Первый с 24 октября 1817 г. (более 3 лет), а последний с 1813 г. (т. е. около восьми лет). Они занимаются в Санкт-Петербурге «продажею из магазина купца Хошадова в разноску товаров, за что получают от Хошадова плату и тем себя содержат, своей собственности никакой не имеют. (Госархив Оренб. об. ф. 6, оп. 10, д. 2336, л. 6, 1820).

Оренбургский военный губернатор в том же 1820 г. обратился к казанскому генерал-губернатору относительно двух бухарцев: Мирякуп Юсупова и Хасанжана, проживающих в г. Казани (Госархив Оренб. об. там же, л. 7).

Все эти три документа относятся только к тем среднеазиатцам, проживающим в некоторых центральных городах России, о которых оренбургский военный губернатор по какой-то причине делал запрос только в самом конце 1820 г. и эти документы убедительно свидетельствуют о том, что указанные небогатые, но занятые торговыми делами среднеазиатцы проживали в центральных городах России годами, даже до 8 лет, а может быть и постоянно. Они, несомненно, были и посредниками в осуществлении торговых операций крупных торговцев, прежде всего среднеазиатских купцов.

[97] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 79.

приобретали эти товары на среднеазиатских рынках и отправляли их в Россию и другие страны. И уход из Ташкента значительной группы купечества можно объяснить малым значением для них продукции, получаемой на их землях.

Трем тысячам купцов-торговцев Ташкента нелегко было покинуть насиженные места, родной город, оставить все недвижимое имущество и уехать в район, занятый «кафирами». Нельзя не учитывать, что они пошли на этот акт в условиях той острейшей, неблагоприятной, враждебной обстановки, когда была налицо всеобщая ненависть и презрение со стороны различных слоев горожан, прежде всего, фанатичного духовенства, к совершающим подобные действия.

Описывая данные события, сам Мухаммад Салих, этот крупный представитель ташкентского духовенства, отмечал: «Какое будет положение (людей) переселившихся на территорию военных действий (т. е. неверных) из мусульманской страны, перед богом, пророком и перед теми, кто будет выносить решение на основании лучезарного шариата Мухаммеда, каково будет решение в отношении (этих людей) в этом и потустороннем мире»[98]. Не в интересах ли торгового капитала ташкентский купец Мухаммед Саидбай, да еще находившийся «в хороших отношениях с духовенством», был, по словам Черняева, едва ли преувеличивающего подобные данные, «готов на уступку против корана» еще в период до присоединения Средней Азии к России.

Следует отметить, что крупные землевладельцы—феодалы, ханы и эмиры — и раньше широко практиковали ведение торговых операций и внутри страны и с соседними странами. В руках некоторых из них, как например, Ходжи Ахрара (XV в.) и джуйбарских ходжей (XVI в.) сосредоточилась почти вся внутренняя и внешняя торговля. Но данные говорят о том, что у них на первом плане стояла земля, земельная собственность, сельскохозяйственные доходы, получаемые за счет эксплуатации огромного количества зависимых крестьян.

В XIX в. положение изменилось. Появились крупные купцы, которые своим социальным положением и специфическими интересами предвещали выход на историческую арену новой фигуры — купца-капиталиста, для которого главный источник обогащения, главный экономический интерес представляла уже не земля, которой они также владели, а капитал. Накопление капиталов в этот период происходило более интенсивно, капитал начинал приобретать

[98] Мухаммед Салих. Указ. рук., кн. 1, стр. 282.

новую функцию — и это нашло отражение в денежном обращении того периода.

Уже в первой половине XIX в. прослеживается рост значения металлических монет (серебряных и золотых) и драгоценных металлов во внутренних и внешних торговых оборотах Средней Азии. Видимо, этот рост и заинтересовал русское государство, которое занялось собиранием сведений о Средней Азии. В письме от 27 ноября 1825 г., подписанном Нессельроде и посланном на имя Петра Кирилловича в Оренбург, указывается, что азиатский департамент располагает «многими положительными сведениями» о народах Азии. Однако он указывает на отсутствие данных по ряду предметов торговли, в том числе и монет, и предлагает «...поручить пограничной комиссии, дабы оная, по мере возможности, постепенно старалась приобрести посредством торговцев или отправляемых иногда курьеров, монеты, находящиеся ныне в обращении в Бухарии, Хиве и ближайших к ним странах, медные, серебряные и золотые, с точным объяснением, какому именно народу они принадлежат, когда чеканены, как называются и чего стоят в сравнительном содержании к нашим деньгам»[99].

Хотя в документе говорится, что данные нужны для архива азиатского департамента, но едва ли это так. Вышеуказанное предложение было быстро осуществлено: вскоре поступили «записи» с подробными данными о монетах среднеазиатских ханств[100]. В другой записке о торговых учреждениях в Бухаре и Хиве указывается, что «в Бухарском ханстве правительство всегда получает сведения о приближении караванов, навстречу которым по назначению кушбеги отправляются чиновники, которые требуют сведения о привезенной иностранной монете...»[101]. Запрос местных властей о привезенных иностранных монетах, сразу же по встрече каравана, показывает то повышенное значение, которое монета приобретает в указанное время. Источники сообщают, что даже медные монеты, которые привозились из России в Кульджу «не в тюках, а по мелочи каждым прибывшим с караваном человеком», находили там хороший спрос, так что их «сбывать можно с великою выгодою»[102].

О том же повышенном интересе к монетам и драгоценным металлам как русского правительства, так и среднеазиатских ханов говорит последовавший несколько позже запрет

---

[99] Госархив Оренбургской области ф. 6, оп. 10. д. 3284, л. 1—2, 1825.
[100] Там же.
[101] Там же, л. 25—27, 1825.
[102] Там же, л. 36.

царского правительства вывозить за границу драгоценные металлы: серебро и золото как в слитках, так и в виде монет. Так, в документе, присланном оренбургскому и самарскому военным губернаторам на основании циркуляра Министерства финансов от 30 декабря 1850 г. указывалось на запрещение вывоза за границу серебра в слитках и монет как морем, так и по суше, и на необходимость точного соблюдения этого указания начальником оренбургского таможенного округа Министерства финансов. В качестве причины запрета вывоза этих металлов в именном Высочайшем указе, данном правительствующему сенату в 29 день 1850 г., указывается: «Возникшее с некоторого времени на главных европейских рынках стремление к возвышению цены на серебро...»[103]. Хотя согласно этому документу, опасность представляли европейские рынки, однако показательно, что запрет был распространен и на Оренбургскую линию. В другом документе, от 30 января 1851 г., исходящем от оренбургских властей, прямо указывается, что «с последованием означенного Высочайшего повеления вывоз серебряной монеты воспрещается в Киргизскую степь Оренбургского ведомства»[104]. Так как этот запрет создавал для жителей большие трудности, Оренбургские власти просили военного министра «исходатайствовать Высочайшее соизволение на вывоз серебряной монеты и кредитных билетов в степные укрепления, в район между старою и новою линиями и в Киргизскую степь Оренбургского ведомства в определенном количестве и только местным жителям и воинским чинам, не распространяя этого права на отправляющиеся с линии в среднеазиатские области караваны как наших (т. е. русских подданных — *Р. Н.*) торговцев, так и азиатцев»[105]. Требование Оренбургского и Самарского генерал-губернатора Обручева было удовлетворено. Вывоз серебряной монеты в Киргизскую степь был разрешен, однако только для местного обращения в качестве разменной монеты. Что же касается серебра в слитках, то вывоз его даже в подвластную России Киргизскую степь Оренбургского ведомства оставался запрещенным[106]. Отсюда ясно видно, что вывоз серебра в любой форме в Среднеазиатские ханства был запрещен русским правительством.

Запрет вывоза серебра в Среднеазиатские ханства был

---

[103] Госархив Оренбургской области ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 25—27, 1825.

[104] Там же, д. 6453, л. 6.

[105] Там же, л. 7.

[106] Там же, л. 46.

настолько строгим, что Оренбургские власти даже просили учредить таможенные пункты в укреплениях Раимском и Ново-Петровском для проверки незапломбированых товаров, отправляемых в Среднюю Азию[107].

В 1854 г. русское государство запрещает вывоз за границу российской золотой монеты морем и сухопутно по всей империи, правда, за исключением каспийских портов и азиатской сухопутной границы[108]. Однако указ правительства был послан также Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору «к исполнению и руководству»[109].

Можно думать, что строгое запрещение вывоза из России серебра, а возможно, и золота в Среднюю Азию было вызвано тем, что через среднеазиатский рынок оно могло беспрепятственно попадать в соседние государства, а через них — на европейские рынки. Но если взять этот факт в сочетании с интересами самого развивающегося среднеазиатского купечества, которое к тому же не могло не играть роли в переходе этих металлов через Среднюю Азию в другие страны, то об усилении интереса в самой Средней Азии к этим металлам не остается сомнения.

В рассматриваемое время в местных исторических сочинениях мы встречаем прямую пропаганду накопления. В прозе и стихах говорится о необходимости обладания богатством — золотом. «Если нет у тебя золота, то ты храни молчание, ибо твое слово будет недействительно; ведь музыкальная мелодия Гауна получается тоже из бормотанья металлических проволок»[110].

Эти и другие факты, на наш взгляд, свидетельствуют о известном повышении в этот период интереса к драгоценным металлам — серебряным и золотым слиткам и монетам, чеканенным из этих металлов. Разумеется, серебряные и золотые монеты и драгоценные металлы, находившиеся в обращении на протяжении тысячелетий, всегда ценились и воспевались представителями имущих классов. Однако в данном случае речь идет о целом ряде отдельных фактов, отражающих определенный процесс. Усиление стремления к богатству и распространению его пропаганды весьма знаменательны. Конечно, интерес и отношение к драгоценным металлам не мог быть одинаковым для всех периодов социально-экономи-

---

[107] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 7, 1825.
[108] Госархив Оренбургской области ф. 6, оп. 10, д. 6453, л. 50.
[109] Там же.
[110] زرت گرنیست خاموش باش حرفت بی اثر گردد، که
آواز ترنم از رگ سیم است قانونرا.

ческого развития края. В некоторые периоды этот интерес, несомненно, был повышенным, знаменуя появление некоторых предпосылок для развития в дальнейшем отношений нового типа. Сопровождалось ли зарождение буржуазных отношений на базе развития торговли ростом промышленного производства, хотя бы в самой слабой степени, пока определить трудно. Для выяснения этого вопроса необходимо провести широкие исследования истории городов этого периода. Пока несомненно лишь одно, что средневековое ремесло, после определенного упадка, в этот период вновь стало развиваться. Многие города в Бухарском и Кокандском ханствах были довольно крупными центрами многоотраслевого ремесленного производства.

До присоединения Ташкента в России нам неизвестны какие-либо признаки зарождения новых отношений в ремесленном производстве. Способ производства, производственные навыки, производственная техника оставались прежними, средневековыми даже в наиболее развитых отраслях ремесла крупных городов. Страна не знала ни машинного, ни даже мануфактурного производства. В техническом отношении Средняя Азия была настолько отсталой, что даже накануне присоединения ее к России во всем довольно большом государстве — Кокандском ханстве — не было ни одного человека, который бы понимал в часовом механизме, хотя часы различных марок поступали в страну давно. Именно поэтому хан Худояр сам вынужден был заниматься мелким ремонтом часов, полученных им в подарки. Однако продукция машинного производства была известна. Она поступала из соседних стран, и преимущества таких изданий, а, следовательно, и способа производства, были очевидны. В Среднеазиатские ханства привозилась из России и некоторых западных стран продукция текстильной, кожевенной, пищевой, бумажной, металлической и других отраслей промышленности; в широком ассортименте доставлялись предметы быта и роскоши. Среди ввозимых предметов были даже такие как иглы, бритвы, ножи, ножницы, плети, пуговицы, гвозди и т. д.

Ташкент в тот период не отличался особенным развитием ремесла и ремесленного искусства. На протяжении почти целого столетия, с конца XVIII в. до 70—80-х годов XIX в., положение в этом отношении почти не изменяется. Так, прибывшие в Ташкент на грани XVIII—XIX вв. Поспелов и Бурнашев, писали: «Хлопок и шелк, производимые в Ташкенте, недостаточны, поэтому их покупают нарочитую часть, особенно же бумаги и шелку из соседних владений, которые такими произведениями более избыточествуют. Покупное же вместе со своим обрабатывают на разные ткани как для

себя, так и на продажу посторонним, чем и занимается большая часть людей обоего пола. Дело сих тканей в Ташкенте, как сами тамошние обитатели признаются, в чистоте уступает еще другим владениям. Прочие ремесла вообще не показывают искусство его народа, почему и не заслуживают быть описаны»[111].

В конце XVIII и начале XIX вв. наряду с садоводством и бахчеводством население занималось и хлебопашеством, являвшимся тогда главной отраслью земледельческого производства. «Между всеми произведениями земли — писали Поспелов и Бурнашев, — хлебопашество предпочитается как плод наиполезнейший, и которым занимаются как со стороны владельца, так и некоторые чиновники, обрабатывая своими караказаками[112] в близости города и около рек Чиртико[113] и Келеса такую часть земли, какая по состоянию каждого нужна. Затем и другие жители по мере сил своих оное производят»[114].

Спустя 76 лет, после присоединения Ташкента к России, один из исследователей того периода писал: «фабрик собственно в Ташкенте нет никаких. В Ташкенте фабрикуются в незначительном количестве лишь мата и некоторые другие бумажные материи. Шелком во всех видах Ташкент снабжается из Кокана, Ходжента и Бухары. **Ташкент по преимуществу город земледельческий и торговый»**[115] (подчеркнуто нами — *Р. Н.*). Однако это не означает, что в Ташкенте не было других отраслей ремесленного производства. По свидетельству того же автора, действительно «ремесленников в Ташкенте, сравнительно с купцами, немного: но ремесла все-таки и здесь имеют своих представителей. Сарты выработали своих портных, сапожников, кузнецов, хлебников, столяров, красильщиков, штукатуров и т. п... у сартов много продуктов, годных к разработке, но нет прогресса в технике»[116].

Совершенно определенно, что эти авторы, наблюдавшие город в течение недолгого времени, могли и не получить полного представления о многоотраслевой ремесленной промышленности города, отдельные отрасли которой размещались не на базарах, а в особых кварталах (махалля), носивших нередко название развитого там ремесла. Специальное исследование ремесленного производства Ташкента XVIII—

---

[111] Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент. Указ. изд. стр. 34.
[112] Вопрос о караказаках здесь не разбирается.
[113] Имеется в виду р. Чирчик.
[114] Поездка Поспелова и Бурнашева. Указ. изд. стр. 33.
[115] Сарты, их хозяйство, женщины и проч. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края А. П. Хорошхина, СПб., 1875, стр. 104.
[116] Там же.

XIX вв. в будущем, несомненно, засвидетельствует довольно высокий уровень его развития и в этом городе. Даже сейчас, на основании изучения документальных материалов конца XVIII в., Ю. А. Соколову удалось составить перечень отраслей ташкентского ремесла, доказывающий их разнообразие. Город имел ткацкое, прядильное, красильное, кожевенное, сапожное, шерстеваляльное, шорное, седельное, скорняжное, шубное, портняжное, шапочное, ковровое, золотошвейное, ювелирное, чугуно-литейное, кузнечно-слесарное, мукомольное, рисообдирочное, гончарное, столярное, деревообделочное, арбяное производство, произвдство военного снаряжения и боеприпасов. Ассортимент изделий этих производств был довольно большим. Особенно было развито ткацкое и чугуно-литейное производства. Развивались также некоторые виды художественного ремесла. В первой половине XIX в. возникает производство бумаги и т. д.

При всем этом торговое значение города, как отмечалось выше, было особенно велико. Немалую часть его населения составляла торгово-купеческая прослойка, которая все увеличивалась. Интерес среди населения города к выгодному занятию торговлей изо дня в день рос. Говоря о населении Ташкента, источники сообщают: «Сарты любят деньги и торговлю. Это проявляется даже в детях. Купцов и вообще торгующих между сартами очень много. Имеющий 20—30 рублей уже непременно чем-нибудь торговал или вообще занимается какими-нибудь оборотами своего капитала»[117]. Нам кажется, что именно тогда особое место в торговом сословии заняли купцы, «капитал которых был с самого начала движимым»[118].

Такие вопросы, как способ производства в различных отраслях ремесленной промышленности города, размеры производственных предприятий, вопросы технологии, формы производственных отношений, классового расслоения и формы эксплуатации в ремесленном производстве в Ташкенте рассматриваемого периода, несомненно, ждут своего исследователя. Сейчас можно говорить лишь об отдельных фактах, ставших нам известными. По-видимому, наряду с многочисленными карликовыми, производственными ячейками существовали и довольно большие, даже в ткацком ремесле. Говоря о руководителе Ташкентского восстания — Мухаммеде Юсуфбае, В. Наливкин писал, что он имел большую мастерскую. Думаю, что нет оснований сомневаться в достоверности сведений В. Наливкина в таких вопросах.

---

[117] Сарты, их хозяйство, Указ. сб., стр. 103.
[118] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 55.

Если взять чугуно-литейные мастерские, то как в конце XVIII, так и в первой половине XIX вв. сам характер производства требовал, чтобы в них работали группы людей. Однако на данном этапе исследования вопроса нам трудно представить эту частнособственническую «большую мастерскую» и чугуно-литейное предприятие хотя бы в основных чертах. Можно думать, что по организации труда она имела сходство с чугуно-литейной мастерской более позднего времени[119].

Несмотря на недостаток сведений, можно сказать, исходя из социальной структуры ремесленной промышленности других городов Средней Азии, что и в Ташкенте существовало большое число ремесленных подмастерьев и учеников, материальное положение которых было крайне тяжелым. В городе было значительное число поденщиков-мардикеров, кстати, не всегда находивших себе работу и следовательно пропитание.... «До прихода русских, — писал Н. Маев, — мардикеры получали 15 коп. за целый день работы. Очень естественно стремление каждого сарта вырваться из этого положения»[120].

В связи с этим привлекает внимание специфическая фигура, отмеченная как местными источниками, так и русскими авторами. Их свидетельства говорят об увеличении в среднеазиатских ханствах, прежде всего в Кокандском ханстве, особенно в городах, числа людей, которые в источниках называются دیوانه (у русских авторов «дувана»). По словам феодальных историков, это «жулики» и «обманщики», показывающие разные представления на сборщиках населения на городских площадях, кварталах, и базарах. Хотя называют эту группу «дувана», «сумасшедшими», «юродивыми», однако все сообщения источников показывают, что под этим термином понималась значительная общественная группа, состоящая в основном из молодых и здоровых людей.

Очевидцы так описывали эту группу населения: «...дувана[121], писал один из авторов 60—70 годов XIX в., — встречаются во всех городах Средней Азии и принадлежат к разным орденам — или представляют собой особи. В Ташкенте очень много дувана, принадлежит к ордену Накшбанди. ...Все они холосты; впрочем к ордену пристают иногда и миряне.

---

[119] О. А. Сухарева. Позднефеодальный город. Бухара конца XIX — начала XX в, Ташкент, 1962, стр. 34—35.

[120] Н. Маев. Азиатский Ташкент, Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник, вып. IV. СПб, 1876. стр. 269.

[121] В литературе того периода слово пишется по разному. Мы приводим так, как пишется в тексте.

В Ташкенте дувана Накшбанди живут в части города, называемой Беш-агач. Все это молодой и здоровый народ, обративший нищенство в ремесло»[122].

Эта группа состояла из наиболее бесстрашных элементов, готовых совершить всевозможные проступки и проявить молодчество там, где можно нанести удар по престижу господствующих классов и его правящей верхушке. К их числу следует отнести людей под названием «девана», появившиеся в Бухаре еще в начале XVIII в.

Так, по свидетельству Мухаммада Амина Бухари, в 1120 (1708—1709) г. в Бухаре, появился человек, который заявил следующее (цитируем источник). «Без помощи веревочного приспособления я заберусь на этот (высокий) минарет[123] и положу кирпичи кладчиков». Это заявление в течение нескольких дней получило широкую огласку среди простого и благополучного сословия (города). И вот однажды этот человек осуществил его в действительности. Волнение охватило всех. К подножью минарета собралось множество народа из горожан и степняков. Пишущий это тоже решил посмотреть (небывалое) зрелище. Когда я достиг этого места, где все это происходило, я увидел того человека у подножия большого минарета. Он взял два железных костыля, оканчивающихся кольцами, размером в 1 шариатский гяз[124] и привязал за эти кольца веревку длиною около трех гязов; он забил большим молотом первый костыль в отверстие, которое мастера специально оставили для такого дела в теле минарета. Укрепив костыль, он поднялся на него посредством той хитрости, которую знал. Затем вбил (в кладку) другой костыль на высоте больше, чем его рост, и поднялся на этот костыль. Так как веревка была привязана за кольца костылей, то захватив веревку двумя пальцами ноги, он стал ее двигать и вытащил из отверстия (этим способом) первый костыль, затем он захватил его в руку. После этого он вбил (в кладку) выше своей головы этот (первый) костыль тем же способом, поднялся на него; таким образом т. е. движением (ноги) он вытащил (второй) костыль. Короче говоря, этим маневром, как описано выше, этот невежественный че-

---

[122] Сарты, их хозяйство. Указ. сб. стр. 104. Видимо, русские наблюдатели взяли их в совокупности. Поэтому не следует понимать под этим словом каландаров, среди которых немало богатых людей.

[123] Имеется в виду минарет XII в. около большой мечети, имеющий почти 47 *м* высоты.

[124] Гяз шариатский, т. е. законный, определяемый правилами мусульманского права, равный локтю, приблизительно 65 *см*.

ловечишко поднялся на вершину минарета. Зрители стали кричать «браво»[125].

По приказанию Убайдуллы-хана его привели к хану. Выяснилось что этот человек — уроженец Бухары, ученик Муэззина сын Муэззина, одного из обыкновенных бухарских медресе[126]. Характерна оценка, данная бухарским ханом этому юноше и его поступку: «Я вижу по его внешности,— сказал хан своим приближенным,— что этот человечишко — жулик и посему нахожу обман (с его стороны), так как он готов ради одного зернышка пролить кровь множества мусульман. Я полагаю, что так как он знает, как влезать на крыши домов мусульман, то ему (легко) будет грабить их. Такого человека нельзя оставить в государстве»[127]. Для того периода это был в высшей степени героический поступок юноши, выходца из среды небогатой части мусульманского духовенства, и несомненно, имел свой скрытый смысл. Подняться на самую вершину высокого минарета с наружной стороны, по гладкой стене, с помощью только костылей, было не всякому по силам. Храбрец посягал на неприступную и страшную «Башню смерти», он как будто своим поступком хотел сказать прямо в лицо хану: «Эй, хан! Смотри, на что способен простой народ!» Неслучайно, хан был разгневан этим поступком юноши, увидев в нем призыв к смуте, почему и приказал казнить смельчака. Источник говорит, что хан «хотел, чтобы в его государстве не было никакой смуты... Естественно, что государь вскипел ревностью (по охране столицы от смуты) и отдал приказ о предании смерти этого мошенника»[128]. Однако на этот раз, по словам историка «по усиленным просьбам приближенных (царского) чартога» казнь была заменена мучительными пытками[129]. Правящая верхушка, напуганная гневом народных масс вынуждена была остановить открытую публичную казнь храбреца. Через несколько дней после указанного события хан и высшие бухарские чиновники заставили юношу повторить проделанное им, в надежде на то, что на этот раз, измученный пытками, физически ослабленный «обманщик» сорвется со стены на глазах еще большей толпы людей, в присутствии самого хана и высоких сановников. Однако тот вновь поднялся на минарет и даже не прежним способом, а более сложным. По свидетельству Мухаммада Амина Бухари, «он показал большее в этих поднятиях на (своеоб-

---

[125] Мир Мухаммад Амин-и бухари. Убайдулла-Наме, перев. проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1957, стр. 153—154.

[126] Там же, стр. 154.

[127] Там же, стр. 154.

[128] Мир Мухаммад Амин-и бухари. Указ. соч., стр. 154.

[129] Там же, стр. 154.

разные) ступени». Этот «жулик» с помощью костылей достиг места Муэззина на минарете[130], спустился через одно из отверстий-окно, которые строители оставили для освещения ступеней. Появившись из отверстия окна он проделал следующее: без костылей и веревок, только держась за выступы кирпичей кончиками пальцев рук и ног, он обошел вокруг места Муэззина, следуя от кирпича к кирпичу по парапету, выдававшемуся из тела минарета всего на два пальца[131]. Этот опасный поистине акробатический номер, поразил народные массы. «После сего случая,— писал указанный автор, — большинство бухарцев уверовало в этого жулика. Эти наивные люди говорили: «подобное дело не каждый человек может сделать, разве только святой»[132].

Симпатия народных масс к этому человеку была велика. Пораженному и «зажмурившему» свои глаза хану, ничего не оставалось кроме как пожаловать ему халат и отдать приказ о том, чтобы все ремесленники и торговцы, приехавшие из степи, дали ему по одной теньге с каждой лавки. Однако вскоре юноша был повешен, якобы за воровство. Но истинная причина казни выявляется из слов самого автора написавшего «что одно из чудес его величества вспомоществующего свыше государя, было именно то, что он предугадал его конец»[133]. Так пал герой от рук хана.

Естественно, может возникнуть сомнение на счет правдивости приведенного сообщения. Однако следует отметить, что цитированный труд является одним из важных источников по истории Средней Азии XVIII в. По отзывам исследователя этого источника проф. А. А. Семенова он «ярко изображает положение узбекского государства Аштарханидов в начале XVIII в.»[134] Источник посвящен политическим и социально-экономическим вопросам истории того периода и не содержит рассказов, носящих анекдотический характер. Да и едва ли автор, преданный во всем своему государю, мог бы сообщить о событии легендарного характера, наносящему удар по авторитету правящей верхушки и лично самого хана. Но автор, писавший хронику своего времени, не мог пройти

---

[130] Верх минарета оканчивается куполообразной кровлей, покоящейся на ряде продольных сквозных арок, образующих круглую аркаду, отделяющую сам минарет от его купольного покрытия. В этой аркаде, называемой кафаса-ий менар и располагается Муэззин, поднимаясь по внутренней винтовой лестнице для призыва на молитву.

[131] *Мир Мухаммад Амин-и бухари.* Указ. соч. стр. 155.

[132] Там же, стр. 155.

[133] Там же, стр. 156.

[134] А. А. Семенов. Предисловие к «Убайдулла-Наме, Мирмухаммада Амина, Ташкент, 1957, стр. 6.

мимо такого события, которое произошло в столице ханства и потрясло все ее население.

Характерно, что этот эпизод произошел как раз тогда, когда народные массы Бухары открыто выражали свое недовольство, когда Бухара была охвачена массовыми волнениями—крупным народным движением 1120 (1708—1709) г.[135] Это восстание освещается в труде Мир Мухаммеда Амина после изложения в нем вышеприведенного события. Видимо народное восстание в Бухаре произошло после, а может быть сразу после казни юноши. Известно, что крупное народное движение в Бухаре было вызвано разорительной финансовой политикой бухарской правящей верхушки, выражавшейся в пуске в оборот низкопробной серебянной монеты в так называемом резком сокращении (в четыре раза) содержания серебра по сравнению с обычным. Эта политика всей тяжестью легла на плечи народных масс. «Простонародье и беднота,— пишет очевидец,— оказались в бедственном положении, лишившись ежедневного пропитания; отдавая богу душу, они не находили даже материи себе на саван. Вопли малолетних и взрослых доносились до вершины небес»[136]. Восставшее население обращается ко двору хана, но последний их не принимает. Не добившись получения аудиенции «в конце концов они толпою отправились к **Девонаи Пансадмани**[137], **к которому люди вообще питали доверие,** вместе с этим юродивым пошли к дому Масума Аталыка и там подняли крики и вопли о помощи, стали произносить грубые слова[138]. Испуганный народным гневом Аталык стал оправдываться и обещал «устранить случившееся». Однако обещание не было выполнено. Вся масса народа, выдвинув вперед упомянутого девону, подошла ко дворцу государя. Эта банда разбойников стала громить камнями ворота высокого арка и кричать всякие оскорбления и ругательства»[139]. Восстание было силою подавлено. Три-четыре человека (по словам хрониста) были повешены.

В данной работе не дается всестороннего освещения этого восстания и его социально-экономических причин, но нам необходимо показать социальную принадлежность движущих сил восстания и его руководителя. Весьма характерно, в ка-

---

[135] Бухарское восстание 1120 (1708—1709) г. специально не исследовано, оно освещается в общих чертах в литературе, посвященной этому периоду и в сводных трудах по истории народов Средней Азии.

[136] Мир Мухаммад Амин-и бухари. Указ. соч. стр. 158.

[137] Кличка «Пансадмани» (пятисотманный) видимо отражала гигантскую фигуру «девони».

[138] Мирмухаммад Амин и бухари. Указ. соч. стр. 158—159.

[139] Там же, стр. 159.

честве руководителя восстания выступает «юродивый» («девона») — Девонаи Пансадмани. Восставшее простонародье и беднота толпою отправляется к этому «девону», к которому, по словам источника, вообще питали доверие и, выдвинув его вперед, т. е. под его руководством, пошли ко двору и стали его громить.

Первоисточники свидетельствуют, что в начале XIX в. в Туркестане численность подобных элементов, называемые «дувана», явно увеличивается и даже принимают опасный характер. Источники называют их «лже-шейхами», «лже-сайидами»[140], «нищими»[141]. Алимхан вступил в решительную борьбу с ними. По словам Мухаммада Хакимхана тюри, Алимхан в конце своего правления запретил носить звание шейхов и сеидов тем, кто не имел на это права и ликвидировал лжемазары, широко распространенные в Туркестане, особенно, в этот период. Собрав всех тех, кто имея средства для жизни, занимался нищенством, хан сделал их погонщиками верблюдов. «Дал каждому из них по одному верблюду для того, чтобы они не обманывали (людей) и в назначенное время приводили (этих верблюдов) в царскую мастерскую (بکارخانهٔ پادشاهی) для погрузки. И других (людей), подражавших шейхам, которые выдавая себя за «святых» спекулировали чудесами и заманивали мусульман на путь плутовства, хан, собрав их, экзаменовал. Тех из них, у которых дело соответствовало законам шариата, он отпускал со всем уважением, а если у кого дело не соответствовало законам шариата, тех выгонял с позором и унижением, заставив покаяться»[142].

По словам Мулла Нияз Мухамеда, Алимхан «проверял и разведывал состояние бесстыдных шейхов и суфиев-самозванцев (прибывших) с разных сторон. Тем из них, которые, завершив службу (своему) наставнику достойно, окончили прохождение аскетического пути, он разрешал им уходить и провожал по достоинству, с уважением, подарив каждому одежду, удостоив (их) султанским почтением и ханским милосердием. А тех из них, которые встали на путь беззакония и бездорожия и сбивали людей с пути, направляя их на путь

---

[140] کسانیکه خودرا بدروغ شیخزادهٔ و سیدزادهٔ ساخته بو دند (Мухаммад Хакимхан тура, Указ. соч. стр. 147.)

[141] گدایان (там же).

[142] Там же, стр. 147—148.

заблуждения и ереси (براه ضلالت و بدعت راهبری مینمود) он проучил и подвергал мучениям»[143].

Ожесточенная борьба Алимхана против бродяг по своему характеру напоминает борьбу королей западноевропейских стран периода разложения феодализма, правда, происходившую там в более широком масштабе и в более ожесточенной форме. Известно, что только один из королей — (Генерал VIII английский (1491—1547) — приказал повесить 72 000 человек[144].

Однако борьба Алимхана с теми, кого он называл «лжешейхами», ни в коей мере не означала отказа от суфизма. Сам хан являлся мюридом ишана Мавлави Насыра Намангани, принадлежал к дервишскому ордену, практиковавшему громкие радения «джахрия» и ежедневно после ночной молитвы в своей урде (дворце) совершал радение—джахр[145]. По другим данным, более верным, он совершал джахр один раз в неделю, при полном сборе столичных шейхов[146]. Во время одного такого сбора шейхов и мюридов на Алимхана было совершено покушение неизвестным молодым «юродивым» («девана»). Напавший на хана там же был убит, но и Алимхан получил несколько ножевых ран[147].

---

[143] Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммад. Указ. соч., стр. 56.

[144] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3. стр. 56.

[145] Мухаммад Хакимхан. Указ. соч., стр. 148.

[146] Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммад. Указ. соч., стр. 56.

[147] Согласно Мухаммад хаким хана, молодой девана каждый день появлялся среди радеющих около присутствовавшего там Алимхана. Последний, заметив его, и считая его одного из зиндиков, издевался над ним

امیر عالیم‌خان ازوی واقف گشته اورا یکی از زندیقان پندا شته دخل میکرد و مسخرهٔ میداشت

В самый разгар радения тот девана пришел в экстаз и показался впереди Алимхана. Последний, схватив девану за шиворот, вытащил в темный коридор урды и несколько раз ударил кулаком по голове. Тогда девана вытащил из голенища ичига небольшой нож и ударил им в живот эмира 18 раз. Тяжело раненый эмир остался живым и в кровавой схватке серьезно ранил юродивого шашкой. Но убили его прибежавшие ханские надимы, причем два из надимов получили ранения от рук деваны. (см. Мухаммада Хакима Тура, Указ. соч.. стр. 148—151.)

Другой автор Ниязмухаммад сообщает о самом активном участии хана в суфийских сборищах и о его стремлении привлечь взоры горожан к радениям, совершающимся в ханской урде. „Во время совершения радения Алимхан, взяв в свои справедливые руки плеть, ходил вокруг кольца радеющих, покровительственно наблюдая за его ходом и наказывал нарушителей радения". Вдруг на одном из таких собраний, во время экстаза появился в облике деваны" один из жуликов, выходец из мошенников и

В приведенных источниках, весьма интересно, что оба автора совершенно четко различают «подлинных» шейхов и ишанов, принадлежащих к определенному дервишскому ордену, достойно прошедших полную службу у наставника (пира), ведших суфийский образ жизни и знающих суфийское учение, о тех, кто, по словам первого источника, «подражал шейхам, выдавая себя за святого, спекулировал ложными чудесами и заманивал мусульман на путь плутовства»[148]. Автор второго исторического труда также совершенно определенно отделает тех, кто «завершив службу (своему) наставнику, завершил прохождение аскетического образа жизни»[149] от тех, кто «стоял на пути беззакония и бездорожья, сбивал людей с дороги и направлял их на путь заблуждения и ереси»[150].

Значит, когда в источниках говорится об отмеченной нами категории людей — девана, то речь идет о тех, которые лишь внешне подражали шейхам, носили дервишскую одежду, появлялись в образе шейхов, но ничего общего не имели с суфизмом и дервишизмом. Это были бесстрашные люди, попытавшиеся поднять обездоленных против насилия. Поэтому они представляли большую опасность для ханства, были страшны для господствующего класса феодалов, особенно духовенства и феодальной верхушки суфийско-дервишских орденов. Вот почему в интересах наследственных ходжей и сейидов, ишанов и имевших высокое положение в общественно-политической жизни Ферганы всячески поддерживая их авторитет. Алимхан ведет решительную борьбу против тех ненавистных ему, опасных элементов, от руки которых он сам чуть не погиб. Нападавший на Алимхана «дувана», несомненно, являлся одним из этих многочисленных элементов. Только его внезапное убийство, по мнению Хакимхана, лишило

хитрых, азартных игроков (یکی از حرام زاد گان طرار وقیمار بازان عیار)" и нанес хану удар ножом. (см. Нияз Мухаммада. Указ., соч., стр. 56–57.)

[148] «شیخ تراشانیکه بودند خودرا ولی ساخته بر دروغ کرامات فروشی میکردند و مسلمانانرا براه تلبیس میفر یفتند»

[149] «خدمت پررا باداب تمام کرده سیر سلوك را باتمام رسانیده بودند.»

[150] «از راه بی قاعده گی و بی راهی مردمرا گمراه نموده براه ضلالت و بدعت راهبری مینمود».

власти, возможность выведать у него о стоявших за его спиной людях[151].

В сообщении Мухаммад Хакима говорится о том, что сам Алимхан назвал нападавшего на него юродивого «одним из зиндиков»[152]. Известно, что средневековыми источниками слово «зиндик» употреблялось как синоним слов «еретиков», «богоотступников». Это не единственный случай употребления данного термина в Кокандском ханстве XIX в. в отношении определенной группы людей. Так, один из кокандских авторов первой половины и середины XIX в. говоря об одном из дальних потомков ферганского ишана Махдуми А'зама — Падшахон-тюре (1270/1853—1854), писал, что этот человек имел близкое отношение с некоторыми людьми из числа еретиков и безбожников[153]. По источникам, освещающим поздний феодализм, трудно проследить, в какой степени была распространена в этот период идеология, или пережитки идеологии зиндиков, широко распространенных в Средней Азии в период раннефеодального общества, когда это была идеология антифеодальных, антиисламских народных движений, теснейшим образом связанных с идеологией великих маздакитов[154].

Но изучение крупных средневековых народных движений приводит к мысли о том, что на всех этапах длительного господства феодализма в Средней Азии существовало определенное оппозиционное течение, носящее боевой, антифеодальный характер. В определенных условиях оно усиливалось в духовном отношении и, привлекая большое число сторонников составляло основу действующих сил народных восстаний. Так, оно выступило под названием партии «Сафид жомагон» (белорубашечников) в грандиозном народном движении в VIII в., оно же под названием сербадаров (висельников), также отличавшихся своей храбростью революционностью и высоким моральным духом, составило основу народного движения в XIV в. Оно же выступает и в изучаемое время — на позднем этапе феодализма, сторонники которого появлялись в виде дервишей, скитальцев, юродивых. В эту группу влива-

---

[151] Мухаммад Хаким хан тура. Указ соч. стр. 351.

[152] اورایکی از زندیقان پنداشه

[153] Имам Али Кундузи. Товарих-и Манзума, Рук. ИВАН УзССР, № 597, стр. 141.

[154] По этому вопросу имеется большая литература. Мы рекомендуем читателю некоторых из них, касающихся Средней Азии. С. П. Толстов. Древний Хорезм (гл. IV), М. 1948; А. Ю. Якубовский. Восстание Мукании. „Советское востоковедение", М. Л., 1948; Р. Н. Набиев, VIII-асрда ўрта-осиёда деҳқонлар қузғолони. Тошкент, 1942.

ются люди, лишенные возможности трудиться, число которых увеличивается в связи с упадком земледелия и относительно все еще слабым развитием городской промышленности. Борьба и протесты этой группы против господствующего строя в этот период принимают острейший характер.

Активное участие так называемых юродивых в борьбе народных масс против ханской власти прослеживается почти до ликвидации Кокандского ханства. Об одном таком человеке, временно исполнявшем должность военного губернатора Туркестанской области генерал-майор Мантейфель в своем частном письме (от 12 января 1876 г.) военному губернатору Туркестанской области сообщал: «Некто дувана, которого Вы, вероятно, припоминаете, пользуясь отсутствием Худоярхана и подстрекаемый имамом Кокандским, с шайкой[155] около 400 человек неожиданно явился в Коканд, где партия, противная Худоярхану, провозгласила его ханом Кокандским. Приверженцы же Худоярхана воспротивились этому и в городе произошла стычка, результатом которой было, что фанатик дувана был взят в плен и отправлен в Маргелан к Худоярхану. При стычке было убитых с обеих сторон не более 20 человек»[156].

На анализе этого события, одного из многочисленных происходивших в Ферганской долине в конце правления кокандских ханов, мы останавливаться не будем. Нас интересует лишь фигура «дуваны», презираемого царским генералом, который стоял во главе отряда в 400 человек. Отряд автором письма называется то «шайкой», то «толпою», восставшей против ненавистного правления Худояра.

Во всяком случае, едва ли этот «фанатик», как пишет генерал, «дувана», уже известный, вероятно, своими антиправительственными поступками и поведением, высшим царским чиновником Туркестана представлял «со своей шайкой» или «толпой» интересы местного господствующего класса.

На наш взгляд, это были бездомные скитальцы, у которых все больше обострялись отношения с правящей верхушкой, росла ненависть к существовавшим в ханстве порядкам. Они проявляют себя везде и всюду как явные «мятежники», «смутьяны», «плуты», «обманщики» и т. д. Эти люди в образе юродивых, находясь в гуще народных масс, проникая в общественные места, на различные собрания оказывали на народ большое влияние.

В период присоединения Ташкента к России, один из пред-

---

[155] В другом документе — рапорте на имя военного министра пишется с «толпою около 400 человек».

[156] Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 8146, л. 2—3: 1867.

ставителей русской администрации (кстати, оставивший ценное научное наследие — А. П. Хорошхин) сообщил характерный факт: «молодой; высокий и здоровый нищий, немного вместе с тем и юродствующий, на вопрос мой: зачем он не работает, а нищенствует и ломается на базаре, очень серьезно отвечал: это осталось мне от моего отца и деда. Нищенство и юродство в натуре сартов»[157].

Гнев, негодование и ненависть таились в ироническом ответе этого молодого, здорового, сильного и бесстрашного человека, готового совершить любой поступок направленный против господствующего строя в стране. Следует отметить, чтобы не сложилось у читателя такого впечатления, что народы Средней Азии любили бездельничать, бродить по улицам, кварталам и базарам. Это все было чисто социальным явлением, порожденным, застывшим, загнившим, реакционным феодальным строем, каким он являлся в Средней Азии в то время. Насколько народы Средней Азии были трудолюбивыми, можно судить по богатейшей многотысячелетней истории страны. Они строили многочисленные сооружения и ирригационные каналы; еще с глубокой древности возделывали ряд технических культур; занимались художественным ремесленным производством, градостроительством, возведением великолепных, величественных, монументальных зданий, архитектурных ансамблей и т. д. Все это свидетельствует о трудолюбии нашего народа, что неоднократно, отмечалось, как местными авторами в письменных и устных произведениях народного творчества, так и многочисленными путешественниками, паломниками, послами и учеными различного направления, посещавших страну в те годы. Мы приведем только одну выдержку для примера — замечательное высказывание Поспелова и Бурнашева о населении Ташкента, поскольку оно имеет прямое отношение к разбираемому нами вопросу: «Вообще должно сказать о весьма отличном трудолюбии сего народа, и что из оного мало, таких коим бы праздность была известна, и они как нужное для себя пропитание, так и подать часто временно собираемую, приобретают единственно неусыпными своими трудами»[158].

А. К. Гейнс рассказывает о человеке, жившем около «какой-то старой могилы, игравшем при кокандцах роль дуваны, что соответствует нашему городовому»[159]. Как пишет автор,

---

[157] Сарты, их хозяйство. Указ. сб. стр. 104.

[158] Поездка Поспелова и Бурнашева. Указ. сб., стр. 34.

[159] Служившие по вольному найму в царской полиции в городах дореволюционной России в качестве рядового назывались «городовыми» и видимо составлялись из таких элементов.

он видел его «спокойно занимающимся земледелием на земле, утвержденной за ним Черняевым»[160]. Это было год спустя после присоединения Ташкента к России, т. е. почти при той же социально-экономической обстановке, когда представилась очень небольшая возможность «спокойно заниматься земледелием». По словам очевидца, бывший «дувана» перешел к производительному труду.

После всего сказанного нетрудно понять, почему образ дуваны занял прочное место в литературе того периода, почему появились в ней такие фигуры, как «Машраби девана» или «девана Машрабов» с его героической, бесстрашной и мятежной жизнью. И вполне объяснимо стремление этих людей или части из них связать себя с каким-либо суффийским-дервишским орденом, показать себя в глазах окружающих дервишем. Ведь они проявляли свою оппозицию и вели борьбу против правящей верхушки и ее опоры — духовенства, призывая к этой борьбе широкие слои народных масс, в условиях беспредельного господства религиозно-клерикального фанатизма.

В Западной Европе эпохи средневековья, когда образование носило преимущественно богословский характер, когда политика, юриспруденция и все остальные науки в руках духовенства оставались простыми отраслями богословия, когда, иначе говоря,— во всех областях умственной деятельности налицо было господство богословия, в этих условиях борьба прогрессивных сил происходила под религиозной оболочкой. «Ясно,— писал Ф. Энгельс,— что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»[161].

Если известная часть охарактеризованных «бродяг» принадлежала к духовенству или происходила из среды духовенства (как это мы видели выше на примере бухарского храбреца), то это мало меняет дело. Несомненно, что и в условиях Средней Азии духовенство давно распалось на два

---

[160] А. К. Гейнс. Сб. лит. труд., стр. 395—396.
[161] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

совершенно различных класса. Правильно решить этот вопрос можно только в свете основополагающего учения марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс, говоря о духовенстве Германии в начале XVI столетия, совершенно четко охарактеризовал и его классовую принадлежность. Он говорил, что «духовенство распадалось на два совершенно различных класса»,[162] — класс аристократический и плебейская часть духовенства. «*Аристократический* класс составляла духовная феодальная иерархия: епископы и архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. *Эти высшие сановники церкви либо сами были* имперскими князьями, либо же в качестве феодалов, подчинявшихся верховной власти других князей, владели обширными пространствами земли с многочисленными крепостными и зависимым населением»[163]. Далее, Ф. Энгельс характеризует плебейскую часть духовенства. Она «состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах. ... Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы, и поэтому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев. Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили из-за этого свою жизнь на эшафоте»[164].

В состав плебейской части населения города, кроме разорившихся *горожан и массы городской бедноты*, «*не обладавших* правами гражданства» ремесленных подмастерьев, входила масса людей, лишенных определенной профессии и постоянного места жительства. Эти элементы наблюдались во всех фазах развития классовых обществ, но они усилились в период разложения феодализма. «Как раз в то время,— писал Ф. Энгельс,— вследствие разложения феодализма в обществе, где каждая профессия, каждая сфера жизни была еще ограждена бесчисленными привилегиями, значительно увеличилась масса людей, лишенных определенной профессии и постоянного места жительства... Часть их в военное время нанималась в армии, другая — бродила по деревням, занимаясь попрошайничеством, наконец, третья добывала свое скудное пропитание в городах поденной работой и другими занятиями, не требовавшими принадлежности к какому-либо цеху»[165].

---

[162] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 351.
[163] Там же, стр. 351.
[164] Там же, стр. 352.
[165] Там же, стр. 354—355.

К. Маркс и Ф. Энгельс ясно указывали на то, что период бродяжничества начался в связи с упразднением феодальных дружин, роспуском королевских войск, состоявших из всякого сброда, улучшением и сокращением земледелия, превращением огромных пространств пахотной земли в пастбища. Еще в XII в. в странах Западной Европы были отдельные периоды бродяжничества, «...но всеобщим и длительным явлением оно становится лишь в конце XV и в начале XVI века»[166].

В XVIII и XIX вв. бродяжничество в Туркестане принимает широкий размах, что соответствует по своему характеру бродяжничеству в странах Западной Европы домануфактурного периода.

Я попытался осветить этот вопрос, связав его с тем известным и основательно исследованным в науке и прежде всего классиками марксизма-ленинизма процессом, который происходил в западноевропейских странах, не для того, чтобы подгонять среднеазиатские факты под европейский исторический процесс, и механически переносить высказывания классиков на Среднюю Азию. А потому что, в основе истории всех стран лежат общие закономерности исторического процесса. Решенные марксистско-ленинской наукой общетеоретические вопросы указывают нам правильный путь для решения неисследованных важнейших вопросов нашей истории. Этот единственно правильный подход особенно необходим, тогда, когда наблюдаются попытки отдельных лиц игнорировать общие закономерности исторического процесса, несмотря на наличие убедительных конкретных данных документальных источников по истории Средней Азии и всячески раздувать только специфические особенности.

Народное восстание в Ташкенте в 1847 г.

Рассмотренные нами исторические события конца XVIII и первой половины XIX в. и характеристика социального состава населения города Ташкента позволяют глубже понять происшедшее здесь в середине XIX в. и отмеченное многими источниками восстание, вскрыть его социальную основу и движущие силы.

Общеполитическое положение в стране, связанное с захватом всей власти одной группировкой кипчакской племенной знати, во главе с Мусульманкулом обострило недовольство широких слоев народа. Это недовольство долго накапливалось и наконец вылилось в открытое восстание, очень кратко, лишь

[166] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 56.

в общих чертах, освещенное в исторической литературе, как дореволюционной, так и советской. Первое сообщение об этом восстании мы имеем у В. Наливкина[167], который приводит некоторые очень ценные сведения и указывает причину восстания. Однако при правильном освещении непосредственных причин восстания В. Наливкин не мог рассмотреть всех предшествующих восстанию предпосылок социально-экономического характера, охарактеризовать движущие силы восстания, вследствие чего им затушевана его классовая сущность. В. Наливкин не осветил и хода самого восстания, довольно ярко отраженного в трудах местных авторов и очевидцев.

Это восстание не нашло должного освещения и в работе Б. Салиева[168], который посвятил ему всего несколько строк и не раскрыл цели восстания. Отдельные упоминания об этом восстании встречаются и в других работах, в частности, у Ф. Азадаева[169] и др. Однако это грандиозное народное движение и его глубокие социально-экономические предпосылки не были предметом специального исследования, и оно не нашло должного освещения в исторической литературе.

Использование имеющихся источников и особенно привлечение нового источника позволяет представить всю картину восстания более подробно и вскрыть его причины и социальную подоплеку.

Особенно ценные сведения об этом событии мы имеем в труде их очевидца — Джунаид-Мулла Аваз-Мухаммада, проживающего в то время в Ташкенте, в квартале Джангоб. Ценность его сведений в его объективности. Автор труда не имел тесных связей ни с правящей кокандской верхушкой, ни с тем или иным определенными слоями населения Ташкента, как Мухаммад Салих, происходивший из знатного рода. Проживая в то время в городе и будучи в центре событий, Аваз-Мухаммад не был простым наблюдателем событий: в это время им был уже задуман крупный исторический труд. Поэтому он наблюдал все происходящее очень внимательно. Его сообщения, как и сведения других авторов об этом восстании, за исключением сведений уже известных раньше Мухаммада Салиха впервые вводятся нами в научный оборот. Поэтому мы приводим здесь отрывки из этих трудов как текстуально, так и в переводе, а в отдельных случаях излагаем его содержание.

---

[167] В. Наливкин. Указ. работа, стр. 167—168.

[168] Б. Салиев. История Узбекистана, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 118.

[169] Ф. Азадаев. Ташкент во второй половине XIX в., Ташкент, 1959, стр. 55—56.

Ташкентское восстание имело глубокие социально-экономические причины, которые мы попытались освятить в предыдущих разделах работы. Характерно, что они отмечены в свое время тогдашними авторами.

Мулла Мирза Алим указывал на то, что население всегда было готово к восстанию и ждало только удобного момента[170]. Один из представителей европейской цивилизации 60-х годов XIX в., тенденциозно обвиняя «азиатцев» в раболепстве, указывал на то, что «азиатец питает вообще ненависть к своим властителям». Причину этой ненависти он видел в «беспрестанных беспорядках, волновавших ханство» и частой «смене владетелей». Распри, бесконечные кровопролития, несомненно, являлись одной из основных причин ненависти народных масс к феодальным порядкам. Хотя автор писал свой труд в интересах захватнической политики царизма, с целью оправдания установления колониального режима в Туркестане, он был прав в своей оценке положения народных масс края: «угнетенный народ надеясь улучшить свое положение всегда готов был к низвержению существующего порядка вещей, но со свойственным ему терпением, перенося в продолжении многих лет большие лишения, он вдруг иногда, как кажется, из-за безделицы, которая впрочем обыкновенно составляет последнюю каплю в наполненной чаше, восстает поголовно и вымещает на правительстве все прошлые, но не забытые обиды. Такого кризиса опасается хан»[171]. Но восстание имело и непосредственную причину. Непосредственной причиной восстания явилось распоряжение правителя Ташкента — Кипчака Азиза Парвоначи, согласованное с ташкентской правящей знатью, о сборе с населения области нового налога, сверх установленных.

О непосредственной причине восстания вышеуказанный очевидец говорит следующее: «... Азиз Парвоначи избавился от кипчакской осады (Ташкента). Несколько успокоившись он приступил к достойному страны рассмотрению государственных дел и, войдя в казну, увидел ее пустой. Выйдя оттуда с пустыми руками и заняв свой государственный пост, он сейчас же послал людей для вызова эмиров и сановников... и поставил на их обсуждение (вопрос) о неблагополучном обеспечении войск и о пустоте казны. И все эмиры и везиры, советуясь (между собой), согласились с мнением и раздирающим душу тоном, что нужно обложить деньгами население города и его окрестных сил, сверх их годичного обяза-

---

[170] Мулла Мирза Алим. Указ. рук., л. 65а.

[171] Три звездочки — Кокандское ханство по новейшим известиям, военный сборник, Год двенадцатый, № 7, СПб, 1869, стр. 101.

тельства. Это мнение Азизу Парвоначи показалось подходящим, согласно его натуре и манере. Каждый квартал (گزر) и махалля были обложены в соответствующей мере обусловленной суммой. Так, эта «игра на цымбале без мелодии» дошла до ушей и сознания каждого мудреца и глухого.

Некоторые неповинующиеся, подобные Мухаммед Юсуф баю из (квартала) Парчабафа и другие из (квартала) Сааван (в то время автор этого сочинения жил в Ташкенте в квартале Джангоб), проявили непокорность и в ночь на пятницу, после ночной молитвы постучали в двери друг к другу, сговорились между собой и вышли (из домов) со стрелами и ружьями. Глубокой ночью они устроили на улицах (города) баррикады, проявили воинственность и оказали сопротивление»[172].

---

[172] «غزیز پروانچی از محاصرهٔ قپچاق خلاص یافت اندک تسلای خاطر خود راست فرمود بملاحظهٔ امور جهانبانی و سزاوار کشورستانی عمل نموده بخذانه درامد دید که خذینه خالی است دستی تهی برامده بمسند سلطنتش قرار کرفت درحال باحضار امرا و ارکان دولت کس فرموده حاصر ساخت و آنچه ماجرای و ظیفه لشکرو خالی بودنی خذینه ورمیان نهاد.... و همهٔ اهل امرا و وزرا از روی مصلحت باین معنی دلپسند و نغمهٔ دلخراش ساز کشته فرمودن بوظیفهٔ هرسالهٔ ولایت و مضافات پلی اند اخته شود ازان جمله این مقال معقول طبع وضع شریف کردیده بقدر قسمت هر کذر و محله پلی که معهود آن زمان بود انداختهشد وچون این نغمهٔسنج بی آهنک بکوش هوش هردانا و کرنک رسید و بعضی تمر دانیکه مثل محمد یوسف بای از پرچهباف و دکرانی از صعوان کردنکش آغازیده شب جمعه بعد از نمازخفتن مصنف این مسوده دران وقت بتاشکند بمحلهٔ جنک آب استقامت داشت مردمان درهای یکدیکررا کوفته خبر رساینده تیر است تفنک پراوردن کرفتند دراندل شب بکوچه هاغاو انداخته کار جنکجوی و مخالفتی پیش کرفتند»

(Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук. Л. 200а)

По мнению Мулла Мирза Алима, население Ташкента всегда было готово восставать и ждало только удобного момента. «В это время,— писал он,— Азиз Парвоначи, восстановив прежние (давно не взимавшиеся) налоги, послал сборщиков по кварталам. День, другой они пытались собрать деньги. Смутьяны, известив друг друга, (собрались) в квартале Парчабаф (вокруг) человека под именем Юсуф-аксакал и под каким-то предлогом внезапно избив сборщика налога, отняли у него собранные деньги. Они установили баррикады на улицах и встали за ними, вооруженные и готовые к бою»[173].

Причину восстания Мухаммад Салих видит в том, что «для расходов на нужды войска правитель города под предлогом ифтарпули, собираемых в месяц Рамазан, обложил население и бедных жителей города четырьмя тысячами тиллей, законной одномискальной монете. Это нежелательное дело для жителей страны (т. е. города) оказалось горьким явлением и послужило источником всеобщего восстания бедняков и подданных против войск Азиза Парвоначи»[174]. По мнению

---

[173] «همشه گوش هوشلاری فیتنه آغاز قیلما قلیق‌غه منتضیر وقت بولوب توروب ایردیلار بول اراده عزیز پروانچی سالوق پلی قدیمه‌نی ایجاد قلیب محله محله‌گا ملازم بویوروب پل جمع قیلماققا جدجهد قیلدی برایکه کون پل جمع قیلماققا تردود قیلماق بولدیلار اوشل فیتنه جویلار بر برلاریغه خبرلاشب فرچه‌باف محله‌سیغه کیلیب یوسف آقسقال دیکان بر بهانه برله ملازمنی بیکباره اوروب پل‌لارینی قوللاریدن آلیب کوچه کوچه‌غه غوسالیب چیقیب باغلاب طالب جنک بولوب مکمل و مسلم بولوب توردیلار».

(Мулла Мирза Алим. Указ. рук., Л. 65а)

[174] «اخبارات متنوعه و مخالقات متکثره ازدیار تاشکند و از عزیز پروانچی بوقوع رسیدکه بنابر صرف لوازمات لشکریان حاکم بلده به بهانهٔ ماه رمضان برای افطارپلی جهار هزار طلای یک مثقالی شرعی بموطنان و اهالیان و فقرایان شهر انداخته و این امور نامرغوب بمتمکنان مملکت ناکوار افتاده سبب منشأ بلوای عام درمابین فقرا و رعایا و عساکران عزیز پروانچی افتاد»

(Мухаммад Салих. Указ. рук., стр. 165.)

В. Наливкина она заключалась в установлении Азизом Парвоначи «несколько добавочных, экстраординарных налогов вроде тилля-пули, мис-пули, улуа-пули и иных»[175]. Этого рода налоги очень часто практиковались в Кокандском ханстве. Так, например, мис-пули взимались с народа каждый раз, когда хану требовалось отлить одно или несколько новых артиллерийских орудий»[176]. И улау-пули собиралось в Кокандском ханстве также еще в правление Мухаммада Али хана[177]. Следует отметить, что в местных источниках, в том числе и использованных В. Наливкиным, об обложении Парвоначи населения Ташкента, конкретно этих видов налогов не указано. Возможно, самому В. Наливкину удалось получить эти данные не из письменных источников, а путем опроса,— в то время в памяти населения события этого времени были еще достаточно свежи.

Ход событий описывался Джунаид-Мулла Аваз-Мухаммадом следующим образом. Рано утром, в пятницу Азиз Парвоначи выступил против восставшего городского населения из своей урды со всем войском и несколькими тысячами людей. (По сведениям Муллы Мирзы Алима, он вступил с бесчисленным войском)[178]. Оставив половину войска на базаре, в ряду мастеров-медников, для подавления восстания в квартале Сааван, он сам, с другой частью войска пошел в кварталы Джангоб и Парчабаф. Ему удалось с помощью пеших воинов и всадников напасть на неорганизованный народ (حمله‌بران فقرایان بی‌سرنمود) и снести 2—3 баррикады. Но когда войско ташкентского правителя дошло до баррикады у входа в квартал Хатун-масджида, оно было вынуждено остановиться под натиском восставших. Эта баррикада оказалась очень крепкой и прочной, и обслуживали ее проворные стрелки. Они взяли под обстрел войска Парвоначи и отразили их наступление. Много раз войско и восставшие атаковали друг друга, но исход боя оставался неопределенным[179].

---

[175] В. Наливкин. Указ. раб., стр. 167.

[176] Там же.

[177] Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 7, стр. 39. Р. Н. Набиев. Народные восстания в кокандском ханстве в 1840—1842 гг.

[178] قوشون بی‌عدد (Мулла Мирза Алим. Указ. рук., Л. 65а)

[179] «اول وقت پگاه جمعه عزیز پروانچی از اوردوی خود با لشکر تمام و چندین هزار آدم نام انام رسیده نصف لشکررا بر رستهٔ مسکران بجنک محلهٔ صعوان امر فرموده خود متصدی

По сообщению Муллы Мирза Алима, в боях погибло и было ранено с обеих сторон много людей[180]. Азиз Парвоначи, не сумев подавить восстание в этом районе города, вынужден был применить артиллерию, и восставшие были взяты под артиллерийский и ружейный огонь. Бой был настолько ужасным, что, по сообщению очевидца, «поднялся такой шум и суматоха, как будто пришел день страшного суда». Стрелки Азиза Парвоначи, поднявшись на крыши домов, стоявших по обеим сторонам улицы, обстреливали восставших сверху. Последние не могли выдержать такого натиска и отступили[181].

Затем Азиз Парвоначи направился для подавления другого очага восстания, который имел своим центром ряд

محلهٔ جنک‌آب و پرچه‌باف گردیده پیاده و سواره یکی‌حمله بران فقرایان بی‌سر نموده برداشته دوسه غاوبسته‌گی محله را ویران ساخته بجیب دهنهٔ خاتون مسجد رسیده قرار گرفتند و آن جیب بس سخت و محکم و میرگنان جلد حاضر بودن بتهٔ تیر تفنك داشته باز گردایندن و برین منوال خپدانی دو دوی جنک جاینین بیدرنک ظهورنموده سعی و کوشیش فرمودن جصول نصرت بمقصد نیانجامید».

(Джунайд—Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук., Л. 200а).

[180] ایکی طرفدین کوب آدم اولدی و کوب آدم زخمدار بولدیلار.

(Мулла Мирза Алим. Указ. раб., Л. 65а).

[181] «جون دم نفس عزیز پروانچی بکار فقرا بند شد درحال باحضار توب و توبخانه حکم صادر گردیده بتهٔ توب و تفنك گرفتند طرفهٔ علامتی وشور قیامتی بفلك دوار می‌پیچید آحرالامر چند نفر میرگنانرا طرفین بام کوچه براورده ازبالای سرفقرایان زدن گرفتندکه طاقت مقا و مت بفقرایان نمانده خودهارا بکوچه‌ها انداخته بدررفتن»

(Мулла Мирза Алим. Указ. рук., л. 65а; Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад, л. 200б).

Согласно Мухаммада Салиха, в ночь со среды на четверг 12 дня месяца Рамазана войска Азиза Парвоначи, вооруженные артиллерией и ружьями завязали бой на берегу реки Джангаха. Между войсками и населением происходила великая борьба и крупнейшее сражение.

«درما بین ففرا و سپاه جنک عضلیم و محاربهٔ فخیم واقع گردید»

(Мухаммад Салих. Указ. рук., стр. 165).

медников на ташкентском базаре. И здесь произошли ожесточенные бои[182]. На этом участке был тяжело ранен Бахадур *баши (военачальник) Рахим бек ибн Казакбай,* уроженец Ташкента, второе лицо после Азиза Парвоначи[183].

Если указание Джунаид Муллы о начале восстания в ночь на пятницу и сообщение Мухаммад Салиха о состоявшихся боях на берегу речки Джангоба в ночь на четверг соответствует действительности, то первый этап восстания продолжался 6 дней.

Азизу Парвоначи с трудом удалось подавить первое выступление народных масс. В то время, как он наслаждался *радостью победы над восставшим населением города,* к нему доставили ярлык только что восстановленного Мусульманкула на должность Минг-баши. Ярлык подтверждал, что Азиз Парвоначи остается на должности Ташкентского беклар-бека. Барабаны и карнаи, установленные по приказу Парвоначи посредине базара, на крыше мечети Пулат бай, известили о торжестве одновременно и Мусульманкула и Азиза Парвоначи. «Однако, — писал историк, — бедному населению (было не до этого). Люди в подавленном состоянии *увозили все имущество и товар из базарных рядов и лавок* и прятали его в своих жилищах. Им не было дела ни до рева карная, ни до крика сурная»[184].

Но восстание городского населения еще не было подавлено. Через некоторое время после того как Азизу Парвоначи удалось подавить восстание на первом его этапе, в пятницу начался второй этап. Около тысячи разъяренных людей, вооруженных стрелами и ружьями, палками и посохами, пришли из Бешагачской части города в квартал Парчабаф.

---

[182] پروانچی ازین نوید نصرت مسرور گشته برسته مسگران رسید درآنجا نیز جنگهای سخت روی داد»

(Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук., л. 200б).

[183] Мулла Мирза Алим называет его Рахим беком Афтабачием; по Мухаммаду Салиху Рахим бек Афтабачи — сын Казак бая аксакала.

[184] «اما فقرایان بحال خود گرفتار مال است متاع از رستهٔ بازار و دکان بیرون برده بمکانهای خود پنهان میکردند نه پروای کرنای داشتند و نه پروای غوغای سرنای بودی»

(Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук. Л. 200б)

«فقرا بی‌سرانجام بولوب بازار دوکانلاریدین متاع‌لارین آلیب هر طرفغه کوموب تورار ایردیلار».

(Мулла Мирза Алим. Указ. рук. Л. 65б)

Собравшиеся ворвались в дом Мухаммеда Юсуф бая[185] и убили оказавшихся там двух приближенных (دونفرخاص پروانچی) Азиза Парвоначи, которые приехали в дом Мухаммеда Юсуф бая, чтобы выразить ему недовольство правителя (برای گلهمندی رفته).

После этого события, — сообщает автор, — все жители города и его кварталов поклялись в единстве и верности делу и двинулись вперед[186].

Восставшие, готовя выступление, выбирали для этого удобный момент и, как видно, этот момент наступил, когда Азиз Парвоначи вышел из Урды[187], с целью посетить тяжелораненого Бахадурбаши Рахимбека. Азиз Парвоначи явился в дом Рахимбека под охраной четырехтысячного вооруженного войска. В это время городское население начало возводить прочные баррикады на всех улицах, независимо от их ширины и направленности. Узнав о приготовлении к новому выступлению, Парвоначи поспешно покинул этот район города. Пробравшись по более безопасной дороге через Каландархону, он скрылся в Урде[188].

Несколько иную версию о начале этого этапа сообщает Мухаммад Салих. В то время, когда Парвоначи посещал со

---

[185] «دوان اثنا از محلهٔ بیش‌یغاج قریب هزار نفری بدست تیراست تفنک چوبست تیاق گرفته بمحلهٔ پرچه باق گذشتند که هر کدامی مانندی دیوانه مستی‌نه امتیاز بلندی میکرون و نه پستی طرفه دو دو سخت و شستی رسیده بحولی محمد یوسف بای نزول فرمودن»

(Джунайд-Мулла-Аваз-Мухаммад. Указ. рук. Л. 201а).

[186] بعداز این واقعه همهٔ اهل شهر و محله تاکید عهد یکجهتی و پیمان ایمان یکنفری درمیان آورده روان شدن»

(Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук. Л. 201а).

[187] «در ضمن این احوال نماز جمعه را خوانده منتضیر وقت و سرانجام متاع و رخت ساخته گوشهٔ چشم انتضاری برحال خیال پروانچی میبردند»

(Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук. Л. 201а).

[188] «پروانچی معه چهار هزار آدم جرار همه مصلح و طیار بدیدن رحیم بیک بهادر باشی رسیده آمد و بمجرد درامدن

своей свитой и приближенными дом раненого вельможи Рахимбека афтобачи и других, народные массы — «бедные и великие, вновь подняли знамя восстания», напали на войско и нанесли ему поражение[189]. С трудом спасшись от гнева народных масс[190], Азиз Парвоначи добрался до Урды, и ночью велел открыть артиллерийский огонь по городу. Цитадель (Урда) была осаждена восставшими[191]. В это время среди самой кипчакской знати начинается ожесточенная вражда. Стараниями своих сторонников Мусульманкул вновь был назначен первым визирем и подтвердил пребывание Азиза Парвоначи на должности Ташкентского бегляр-бека. Это еще более обострило вражду между различными группировками знатных кипчаков. Мусульманкул казнил наиболее активных своих противников из числа видных представителей кипчакской знати. Это привело к активизации борьбы против него внутри кипчакских группировок[192]. Поэтому городская знать

پروانچی بحولی رحیم‌بیک مردم شهراست محله بکوچه‌های یک‌رهٔ چهارره غاوهای محکم بستن گرفتن این خبر به پروانچی رسید درحال سوار گردیده بره باریک قلندرخانه خودرا باوردوی گرفت»

[189] «حکمران بلدهٔ ترکستان زمین بزحمداران اکابران شهر با همراهی خشم و خدم برای دلجوئی بحوالی هر واحدان رسیده و خصوصا بغبادت رحیم بیک آفتابچی ولد قزاقبای آقسقال نزول فرموده.... بودکه باز بلوای عام عامه فقرا و کبرا واقع گردیده از تعاقب عساکران و لشکریان روی بغلبه نموده اند».

(Мухаммад Салих. Указ. рук., стр. 165).

[190] بهزار مشقت خودرا از فقرا تخلص داده

(Мухаммад Салих. Указ. рук., стр. 165).

[191] «بعداز افطار بطرف شهر بسوی او تیرو تفنک و توب اندازی نمود ونیز فقرا و رعایا و جوانان و دلاوران شهر از جهار جهت محاصره سخت نمودند»

(Мухаммад Салих. Указ. рук. стр.,166).

[192] «بسبب این افعال ذمیمه آتش عداوت مابین پیشه‌نیستان جماعهٔ قپچاقیه بالاگرفت»

(Ниязмухаммад бин Ашурмухаммад. Указ. соч., стр. 181).

противников Мусульманкула и Азиза Парвоначи отправила несколько своих представителей к правителю Кураминского округа — Нормухаммеду кушбеги-кипчаку[193]. Он и Шадманходжа Парвоначи, выходец из Ташкента, прибыли в город с кураминскими войсками, закрыли все 12 ворот города и вместе с населением приняли участие в осаде Ташкентской цитадели несмотря на то, что Нормухаммед был в родстве с Азизом Парвоначи. Осада продолжалась более двух недель (по другим данным 12 дней). Наконец, Азиз Парвоначи был вынужден предложить мир, обязуясь покинуть Ташкент. Через некоторое время он был казнен в Маргилане самими кипчаками. Ташкент перешел под власть Кураминского кипчака — Нормухаммеда-кушбеги. Это назначение впоследствии было согласовано с Мусульманкулом.

Мы только что привели данные местных авторов о непосредственной причине этого грандиозного народного движения. В одном из наших источников указывается, что оно произошло в силу того, что правитель из-за необеспеченности войск и опустения казны обложил чрезвычайной податью население города и окрестных сел, требуя ее сверх уже существовавших годичных налогов. В другом источнике отмечается, что восстановлены были старые, ранее отмененные налоги и была сделана попытка собрать их с помощью посланных по кварталам сборщиков. Третий автор также указывал на попытку сбора четырех тысяч тиллей правителем Ташкента для расходов на нужды войска. И, наконец, В. Наливкин, причиной восстания считал учреждение Азизом Парвоначи «несколько добавочных экстраординарных налогов вроде тилля-пули, мис-пули, улау-пули, и иных». Следует отметить, что некоторые из этих налогов и раньше устанавливались в особых случаях центральным правительством, даже правителями областей.

Итак, все местные источники, также как и данные В. Наливкина (которые имеют, отчасти, характер исторического источника) ясно свидетельствуют о том, что непосредственной причиной народного движения было новое обложение налогами населения города, а возможно и его окрестностей (ولایت و مضافات) сверх уже существовавших много-

---

[193] «وچند نفر از اعاظیم ولایت بخدمت نارمحمد قوشبیگی قپچاق فرستادن که آن زمان حکومت کراوچهٔ قورمه تعلق بوی داشت».

(Джунайд-Мулла Аваз-Мухаммад. Указ. рук., Л. 200а).

численных тяжелых налогов и поборов. Новое обложение вызывалось не целями благоустройства края, не интересами материального благосостояния народных масс, а истощением казны в результате продолжительных разорительных войн, которые вели как центральное правительство, так и, прежде всего, ненавидимый народом правитель Ташкентской области.

Рассмотрим, какие военные действия происходили в самый канун этого восстания, в результате которых потребовалось собрать ташкентское войско и почему казна подверглась такому опустошению, что это вызвало новое обложение налогами населения.

Как мы говорили выше, Ташкент после отпадения от Кокандского ханства в 1261 (1845) г. вновь был ему подчинен. Ташкентским беком был назначен кипчак, коварный интриган, безжалостный тиран Азиз Парвоначи — ближайший друг ненавистного всем сартам жестокого минг-баши Мусульманкула. В связи с временным захватом Кокандского ханства бухарским эмиром в 1842 г. Туркестан с областью остался под владычеством Каноат-шаха, весьма коварного человека, признававшего в это время власть бухарского эмира.

Азиз Парвоначи хотел подчинить Южно-Казахстанские районы с Туркестаном, где в свое время, насильственно была утверждена власть кокандских ханов, а казахско-узбекское население подверглось жесточайшему гнету. Азиз Парвоначи предпринял поход на Туркестан с «многочисленным войском», по пути подчинил селения Икан и Корнак, но взять Туркестан на этот раз ему не удалось. Естественно, при таком неудачном походе людские и материальные потери были весьма ощутимы. Азиз Парвоначи отступил в Ташкент, оставив в вышеуказанных селениях Умат бия с войском в 1200 чел. С этими силами Умат напал на Туркестан и бой закончился полным разгромом сил Парвоначи. Умат бай, преследуемый противником, возвратился только с 30 чел. Обозленный Парвоначи послал для управления этими пограничными пунктами — Иканом и Корнаком — своего брата, дав ему тысячный отряд. Брат Азиза, вопреки серьезному предупреждению Парвоначи о бесполезности выступления с небольшими силами против такого коварного врага, каким был Каноат-шах, все же самовольно напал на Туркестан. Дело опять окончилось полным поражением войска Парвоначи. Это вынудило предпринять новый, уже более подготовленный поход ташкентского владетеля на Туркестан. Он двинулся раннею весною 1846 г., по словам источника, с «бесчисленным войском» и окружил Туркестан. Однако его неодно-

кратные штурмы отбивались Каноат-шахом. Осада продолжалась 11 месяцев. Азиз Парвоначи построил временную крепость (стан), приказал своим воинам посеять дыни на окрестных полях. Город был лишен проточной воды. Но и это не привело к победе. Однако создавшееся у наступающих тяжелое материальное положение и ухудшение морального состояния воинов и их боеспособности, заставили Азиза Парвоначи послать Каноат-шаху парламентеров с большими подарками и с предложением о заключении мира. Перемирие состоялось. Однако Каноат-шах отклонил предложение Азиза Парвоначи остаться в Туркестане и был отпущен с уважением и почестями в Бухару[194].

Четырехкратные походы в малолюдную и разоренную степь и бесконечные поражения войск в боях, происходившие в течение двух лет, не говоря о других расходах, которые понесло как центральное правительство, так и ташкентские власти, окончательно опустошили ташкентскую казну. Это и вызвало обложение населения новыми налогами.

Вопрос о движущих силах восстания может быть решен довольно четко на основании сведений письменных источников и сообщений очевидца. Основная масса участников восстания — это городская беднота, возможно и окрестные крестьяне. Почти все письменные источники, говоря об основных и главных участниках движения, употребляют слово фукаро (فقرا) — простой народ, бедное население города, например, „беспорядочный народ“ (فقرایان بی‌سر) — у Джунайд Мулли; „мятежники“, „фукаро“ — (فیتنه جویلار) (فقرا, у Мирзы Алима; „война между фукаро и войском“ (درمابین فقرا و سپاه جنگ گردید) — у Мухаммада Салиха. При изложении этого события Мухаммад Салих писал о борьбе, происходившей „между фукаро, рное (с одной стороны) и войсками Азиза Парвоначи с другой“. (درمابین فقرا

---

[194] Фазылбек говорит, что борьба Азиза Парвоначи с Каноат-шахом в Туркестане продолжалась долго. Туркестан был подчинен после 7 месячной осады («Мукаммал Тарихи Фаргона», стр. 137). По сообщению автора «Миротул Фтух», осада Туркестана продолжалась 13 месяцев. Каноат-шах, как наместник Бухары, отказывался подчиниться Ташкенту, перешедшему под власть Коканда. Он приступил к обороне города и начал присваивать все налоги и поборы, взыскиваемые с казахского и сартовского населения этого района Казахстана, а так же с караваном, следующих в Ташкент и Бухару из России и из самого Казахстана, которые должны были поступить в казну ташкентского правителя. Далее он пишет, что войска Азиза Парвоначи наводнили Туркестан после длительной осады.

(ورعایا وعساکران عزیز پروانچی) Здесь слово „риое"—множественное число от раият, можно понять и как подданные, и как крестьянин. В последнем случае речь может идти и об участии в восстании окрестных крестьян. К этому мнению нас приводят сведения некоторых источников об обложении чрезвычайным налогом не только населения собственного города, но и его окрестностей.

Восстание, несомненно, носило массовый характер. При первом выступлении народа Азиз Парвоначи вынужден был идти против вооруженного восставшего народа с вооруженным «бесчисленным войском» (قوشون بی‌عدد) пустить в ход даже свою артиллерию. Когда восставшие были разгромлены, Азиз Парвоначи, прибыв в район восстания с четырехтысячным войском, был настолько напуган яростью народных масс, что удрал из района скопления народа без боя, да еще отступая обходной, скрытой дорогой. Этот факт свидетельствует о массовости и мощи восстания. Источники употребляют в отношении этого движения слово «لوای‌عام» или « لوای عام عامه » т. е. «всеобщее восстание, или «всеобщее восстание масс».

По словам Мухаммед Салиха, при первом выступлении народных масс „происходили великая битва и огромное сражение между простым народом и войском" .(درمابین فقراو سپاه خبک عظیم ومحاربه فخیم واقع گردید) А Джунанд—мулла Аваз—Мухаммад прямо писал, что „все жители города и (его) кварталов подтвердили свою договоренность о единогласии и единодушии" — (هۀ اهل شهر ومحله تاکید عهد یکجهتی و پیمان ایمان یکنفری درمیان آورده)

Согласно сообщений Мирза Алима, восстание началось с нападения на сборщиков налогов и конфискации восставшими собранных средств. В ходе восстания с обеих сторон было много убитых и раненых. В восстании принимали участие и некоторые представители имущих классов. В источниках фигурирует имя Мухаммед Юсуф бая из квартала Парчабаф (ткачей), который занимал в восстании, несомненно, руководящую роль. Он был, возможно, не единственным из числа богатых людей города, участвовавших в восстании. Очевидец этих событий сообщил, что среди выступивших против обложения населения новыми налогами были «некоторые бунтовщики подобные Мухаммеду Юсуф баю из (квартала) Парчабаф и другим из (квартала) Сааван».

(بضی تردانیکه مثل محمدیوسف‌بای ازپرچه‌باف و دیگران از صعوان گرون‌کشی آغازیده) Здесь он называет Мухаммеда Юсуфбая—руководителя восстания, как пример среди других состоятельных людей. Конечно, речь не идет здесь о простых, рядовых участниках восстания. К сожалению, ни один из описывавших это событие местных авторов почти не характеризует ни материального состояния, ни общественного положения, ни политического лица Мухаммеда Юсуфбая. Поэтому очень ценны сведения В. Наливкина, собранные им у очевидцев, хотя может быть, через вторые руки В. Наливкин сообщает, что Мухаммед Юсуф (сокращенно Маюсуф бай) принадлежал к числу очень влиятельных горожан. Он имел большую мастерскую по выделке шелковых материй. Известно еще, что Мирза Алим называл его Юсуфом-аксакалом. Это позволяет предположить, что Мухаммед Юсуф был старшиной цеха ткачей, может быть, старшиной квартала или одной из частей города. Вот все, что нам известно о руководителе восстания. О том, что он был из числа влиятельных людей города, свидетельствует обращение с ним самого ташкентского бека. После подавления первого выступления восставших в дом Мухаммед Юсуфбая прибыли два приближенных Парвоначи, чтобы передать ему недовольство правителя города. Это мягкое обращение Парвоначи с его непримиримым врагом может объясняться тем, что Парвоначи был напуган и потрясен народным гневом. Однако едва ли он стал бы обращаться с выражением своего недовольства к простому, рядовому участнику событий.

Мухаммед Юсуфбай и ему подобные богатые горожане или горожане среднего достатка, примкнувшие к восстанию народных масс, несомненно, имели свои цели, свои требования. Нам кажется, что Мухаммеду Юсуфу и ему подобным, с одной стороны, была ненавистна сама крайне отсталая, жестокая форма правления, бесконечные разорительные войны, феодальные междоусобицы, уносящие огромные материальные и людские ресурсы. Вполне возможно, что эта группа поддерживала должностных лиц, выходцев из самого Ташкента, противников Парвоначи. На настроение этой прослойки горожан влияло и то, что мероприятия Парвоначи лишились их былого положения, отняли у них возможность получения доли городских доходов. Однако весь ход событий показывает, что они не ставили перед собой задачу отделения Ташкента от Кокандского ханства или освобождения от правления кипчаков вообще. Это ясно видно из того, что еще в начале восстания незначительная группа, примыкавшая к восстанию трудящихся, вызывает правителя Кураминского

окуга Нормухаммеда кушбеги, принадлежавшего к той же кипчакской знати, но явного противника Мусульманкула и Азиза Парвоначи. Нормухаммед захватывает управление Ташкентом. Но после восстания в управлении Ташкентом должна была быть усилена роль местных чиновников—выходцев из самого Ташкента. Когда ташкентская знать вызвала Нормухаммеда, то ему было поставлено условие, чтобы он действовал «по совету пятисотников и знатных людей Ташкента»[195].

Использованные нами источники позволяют также уточнить и дату восстания.

В исторической литературе это восстание датируется 1266 (1850) г. Его датировка основывается, главным образом, на сообщении Мухаммада Салиха, который собирал сведения о событиях первой половины XIX в. из вторых рук[196]. И поэтому мог допустить известную неточность. Весь ход событий этого времени, место события в общем процессе исторических событий в ханстве и сообщения первоисточников показывают, что восстание произошло в 1263 (1847) г. Чтобы доказать это, достаточно вспомнить, что Мусульманкул в первый раз был отстранен от должности главного везиря — мингбаши в 1263 (1846—1847) г. Возвращаясь из Туркестанского похода Азиз Парвоначи повел со своим войском, т. е. военачальниками переговоры о происходивших, роковых для него изменениях, в центральном правительстве в Коканде — о свержении Мусульманкула. Восстание началось сразу после его возвращения. В том же 1263 (1847) г. Мусульманкул вторично пришел к власти. Известия об этом поступили в Ташкент, как уже мы говорили, в самый момент восстания, когда было подтверждено оставление Азиза Парвоначи на должности ташкентского правителя. Далее, очевидец восстания описывает события 1265 (1848—1849) г. после рассказа о ташкентском восстании. И, наконец, мы имеем прямое указание Имама Али кундузи в его специальном хронологическом труде, охватывающем в основном события истории Кокандского ханства, который и видел все это своими глазами.

---

[195] «قوشینک خودرا بمشورت پانصد باشیان و کلانان تاشکند بربالای تاشکند بر سر غزیز پروانچی کشیده آنرا از میان برداشته آن ملکرا بتصرف خوددرارند»

(Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммад. Указ. соч., стр. 181)

[196] Учившийся в Бухаре и Коканде Мухаммад Салих приехал в Ташкент в 1858 г. и его известный труд «Тарихи джадидан Тошкент (Новейшая история Ташкента) окончена в 1875 г.

Он показывает дату казни Азиза Парвоначи — 1264 (1847—1848) г. Правда, автор «Тарихи Шахрури» сам сочинил дату смерти Парвоначи и издатель его труда, видимо, неверно подсчитал цифровое значение букв, так что у него получился 1266 г., что соответствует 1849—1850 гг. Даже в этом случае восстание не могло произойти в 1850 г. Ведь Парвоначи не был казнен сразу же после Ташкентского восстания. После прибытия в Коканд Мусульманкул сначала оставил его в столице около себя и держал на правах эмира, потом выслал с семьей в Маргилан, где он жил некоторое время (چند وقتی در آنجا استقامت ورزید) продолжая интриги и склоки. Все это доказывает, что восстание произошло не в 1850, а в 1847 г.

Таким образом, основной движущей силой восстания было городское население — ремесленники, кустари, мелкие торговцы, и, конечно, плебейские элементы города. Недовольные феодальным гнетом, доведенным до предела, они выступили против разорительных действий правящей верхушки — чрезвычайных налогов. В восстании принимало участие и даже возглавляло его часть городской верхушки, которая была недовольна не только чрезвычайными налогами, задевавшими и их интересы, но и самой политической обстановкой. По-видимому, у них на первом плане стояли политические требования. Поэтому они обратились за помощью к правителю Курамы и, как только он пришел к власти, посчитали себя удовлетворенными.

Огромное по масштабам того времени всеобщее восстание ташкентских трудящихся в итоге было использовано ташкентской знатью. Они добились своей цели с помощью народных масс. Нормухаммед дадха спешно приехал в Ташкент, как только услышал о грандиозном народном движении[197]. В его правление положение трудящихся города и области остается прежним, эксплуатация трудового народа, постоянная налоговая система, налоговый гнет, разорение и обнищание народных масс продолжались, вся общественная, социально-экономическая и политическая структура остаются неизменными.

Однако это народное движение имело большое значение. Прежде всего, оно сорвало попытки ташкентского правителя

---

[197] «خبر فیتنه آتش شرر و جوشیش موج دریای تیغ جان گزر نار محمد دادخواه شنیده فی الحال.... بربالای تاشکند رسید»

(Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммад. Указ. соч., стр. 181)

и его окружения обложить население новыми тяжелыми налогами, собираемыми для армии и войны. Этим оно нанесло решительный удар по финансовой политике Кокандского ханства и его ташкентского наместника.

Мощью народного гнева был выброшен из правления Ташкентом, из пределов Ташкентской области и совершенно отстранен от власти один из ненавистных народу правителей — Азиз Парвоначи, который впоследствии был казнен. В ходе движения народ воочию убедился в том, какую грозную силу он представляет, когда объединяется и открыто выступает против своих тиранов. Восстание обогатило народ *опытом совместной борьбы.*

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

Ташкент под владычеством кокандских ханов в первой половине XIX в. 6

К *вопросу о социальном составе населения города*. 30

Народное восстание в Ташкенте в 1847 г. 62

Р. Н. Набиев

Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки

Редактор *Ф. А. Гальчевская*
Художник *Е. М. Бухман*
Технический редактор *З. П. Горькова*я
Корректор *Л. И. Китман*

Р01328. Сдано в набор 27/XI-66 г. Подписано к печати 20/X-66 г.
Формат 60×90¹/₁₆-2,5 бум. л. печ. л. 5,0 Уч. изд. л. 4,7
Изд. № 1928. Тираж 1000. Цена 36 к.

Типография Изд-ва «Фан» УзССР, ул. Л. Б. Шастри, 21.
Заказ 300. Адрес Изд-ва: Гоголя, 70.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
13	14-я снизу	حجاعه	جماعه
19	7-я сверху	приемке	приемнике
32	17-я снизу	قوم	قوجه
33	9-я сверху	ложением, признанный они всеми способами эксплуатировали	ложением, они всеми способами эксплуатировали
34	13-я снизу	внуков	евнухов
41	1-я сверху	мирном	мировом
55	7-я сверху	Генерал	Генрих

К заказу 300

Цена 36 к.